

## ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

**Дело «Туникова и другие против России»**  
(Жалобы № 55974/16 и три других – см. Приложение)

### ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 3 (материальный и процессуальный аспекты) • Позитивные обязательства • Непринятие надлежащих мер для защиты жертв домашнего насилия и проведения эффективного расследования из-за сохраняющейся структурной проблемы • Во внутренней правовой базе отсутствует определение «бытового насилия», адекватные материальные и процессуальные положения преследовать в судебном порядке его различные формы и любые формы охранных приказов • Недостаточная правовая база, не позволяющая властям получить всестороннее представление о континууме насилия и бороться с ним на системном уровне.

Статья 14 (+ Статья 3) • Дискриминационные последствия для женщин продолжающегося неприятия законодательства по борьбе с насилием в семье и обеспечения каких-либо мер защиты.

Статья 46 • Пилотное решение • Подробные общие меры, указанные Судом, охватывающие все сферы деятельности государства по устранению комплексного структурного и дискриминационного отсутствия защиты женщин от домашнего насилия.

### СТРАСБУРГ

14 декабря 2021 года

### **ВСТУПИЛО В СИЛУ**

14 марта 2022 года

*Это постановление вступило в силу. Текст может быть отредактирован.*

**В деле «Туникова и другие против России»,**  
Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседая в составе:  
Georges Ravarani, *Председатель Секции,*  
Georgios A. Serghides,  
Dmitry Dedov,  
Darian Pavli,  
Peeter Roosma,  
Andreas Zünd,  
Frédéric Krenс, *судьи,*  
и Milan Blaško, *Секретарь Секции,*  
Принимая во внимание:

четыре жалобы (номера и даты подачи указаны в *Приложении*) против Российской Федерации, поданные в Суд в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) четырьмя гражданками России (далее – заявительницы), сведения о которых указаны в *Приложении*;

решение об уведомлении Правительства Российской Федерации (далее – Правительство) о жалобах, касающихся обязанности государства обеспечивать защиту от домашнего насилия, и о признании неприемлемой остальной части жалобы № 53118/17;

решение дать жалобам приоритет;

письменные замечания сторон,

проведя закрытое заседание 23 ноября 2021 года,

Выносит следующее постановление, принятое в тот же день:

## ВВЕДЕНИЕ

1. Дело касается жалоб на предполагаемую неспособность российских властей защитить заявительниц от актов домашнего насилия и провести эффективное расследование этих актов, а также дискриминационное воздействие гендерного насилия по отношению к женщинам.

## ФАКТЫ

2. Сначала Правительство представлял М. Гальперин, представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, а затем – М. Виноградов, его преемник на этом посту.

3. Факты дела, представленные сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

## ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖАЛОБ

### **А. Дело Туниковой (жалоба № 55974/16)**

4. Туникову в Суде представляли Глеб Глинка и Мария Воскобитова, адвокаты, практикующие в Москве.

5. В 2011 году г-жа Туникова познакомилась с г-ном Д., и они стали жить вместе. По ее словам, в 2012 году г-н Д. впервые напал на нее. Он пинал и бил ее кулаками и пытался задушить. В 2013 году она пережила еще несколько случаев словесного и физического насилия. Работники скорой помощи посоветовали ей написать заявление в полицию. Г-н Д. слышал их разговор и несколько месяцев сдерживался.

6. 10 августа 2014 года между Туниковой и г-ном Д. вспыхнул ожесточенный спор. Он якобы ударил ее по голове и начал толкать через кухню к открытому балкону их квартиры на 15-м этаже. Опасаясь, что он сбросит ее с балкона, она схватила кухонный нож и ударила им г-на Д. Он отпустил ее и вызвал скорую помощь и полицию.

7. Туниковой было предъявлено обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений, и она провела ночь в отделении полиции. Она плохо себя чувствовала и несколько раз осматривалась врачами. У нее диагностировали сотрясение мозга и отметили ссадины на голове, плечах и спине. После освобождения она семь дней лечилась в городской больнице.

8. 21 октября 2014 года Туникова подала жалобу в порядке частного обвинения против г-на Д. в связи с причинением «легких телесных повреждений» по статье 115 УК РФ. Мировой судья района Выхино-Жулебино в Москве заслушал Туникову и ее свидетелей и прекратил производство по делу на том основании, что по обстоятельствам дела выявляются признаки уголовно наказуемого деяния, представляющего собой угрозу убийством или телесными повреждениями, предусмотренного статьей 119 УК РФ. 17 января 2015 года полиция района Выхино-Жулебино отказала в возбуждении уголовного дела. По их мнению, не было показано, что угроза убийством была достаточно «реальной» и что у Туниковой были причины опасаться за свою жизнь.

9. 4 февраля 2015 года Туникова повторно подала жалобу частного обвинения против г-на Д. тому же мировому судье. 5 мая 2015 года мировой судья оправдал г-на Д. по предъявленным обвинениям. Он придал решающее значение заявлениям двух сотрудников полиции, которые были вызваны на место происшествия 10 августа 2014 года и не видели никаких телесных повреждений у Туниковой, а также решению от 17 января 2015 года об отказе в возбуждении уголовного дела.

10. Адвокат Туниковой подал апелляцию. Он, в частности, отметил, что оправдательный приговор был вынесен тем же судьей, который уже вынес решение по предыдущей жалобе Туниковой. 18 августа 2015 года Кузьминский районный суд Москвы удовлетворил апелляцию и передал дело другому мировому судье.

11. 1 декабря 2015 года новый мировой судья прекратил рассмотрение дела частного обвинения на том основании, что Туникова и ее адвокат не явились на слушание. 16 марта 2016 года Кузьминский районный суд оставил в силе это решение на том основании, что Туникова опоздала на слушание на 16 минут и что закон не проводит различия между «значительным» и «незначительным» опозданием. 6 июля 2016 года Московский городской суд отказал Туниковой в разрешении на подачу апелляции.

12. 26 июня 2017 года Кузьминский районный суд установил, что Туникова нанесла тяжкие телесные повреждения г-ну Д. и что применение ею силы в целях самообороны не было оправдано. Она была приговорена к тюремному заключению и штрафу, но освобождена от отбывания наказания в связи с Законом об общей амнистии.

### **В. Дело Гершман (жалоба № 53118/17)**

13. Гершман в Суде представляли Ванесса Коган и Эгберт Весселинк из Фонда Stichting Justice Initiative, неправительственной организации, базирующейся в Утрехте, Нидерланды.

14. В 2012 году Гершман вышла замуж за г-на О. В 2014 году у них родилась дочь.

15. По словам Гершман, 23 ноября 2015 года г-н О. пинал и бил ее кулаками. Она пожаловалась в полицию; медицинское освидетельствование зафиксировало большие гематомы на ее плечах и ребрах. Ссылаясь на тот факт, что травмы не достигли порога тяжести, необходимого для государственного обвинения, полиция отказалась возбуждать уголовное дело. Гершман было велено возбудить дело частного обвинения по статье 116 УК РФ (нанесение побоев).

16. В период с 24 января по 5 июля 2016 года г-н О. предположительно несколько раз напал на Гершман как внутри их дома, так и за его пределами, в том числе в присутствии их дочери. Гематомы и ссадины на теле Гершман были зафиксированы в медицинских документах; она не могла работать в течение восьми дней (с 19 по 26 июля 2016 года). 5 и 17 июля 2016 года она сообщила о событиях в полицию, которая вынесла отказы в возбуждении уголовного дела из-за незначительного характера ее травм.

17. 6 мая и 16 июня 2016 года Гершман подала три иска частного обвинения в мировые суды районов Видное и Черемушки в Москве. Она жаловалась на многочисленные случаи «нанесения побоев» и три нападения, повлекшие «легкие телесные повреждения». Ее претензии были рассмотрены следующим образом.

18. 29 сентября 2016 года мировой судья района Видное передал в полицию жалобу о пяти случаях «побоев», поскольку «побои», совершенные членами семьи, квалифицировались как преступление, подлежащее государственному преследованию (см. пункт 58). 14 марта 2017 года следователь прекратил уголовное дело после еще одной законодательной поправки, которая вывела побои, нанесенные членами семьи, из сферы уголовного права.

19. 8 декабря 2016 года мировой судья района Видное оправдал г-на О. в двух нападениях, которые предположительно имели место 24 апреля и 3 мая 2016 года. Судья собрал показания обеих сторон, свидетелей, работников скорой помощи и сотрудников полиции, которые были вызваны на место происшествия, и изучил видеозаписи инцидентов, которые, как было установлено, противоречат изложению событий Гершман. 1 марта 2017 года суд г. Видное оставил в силе оправдательный приговор по апелляции.

20. 13 января 2017 года мировой судья района Черемушки оправдал г-на О. в связи с инцидентом 5 апреля 2016 года, в котором он якобы ударил г-жу Гершман, из-за чего она упала с лестницы. Мировой судья постановил, что Гершман не смогла доказать, что получила травму в более позднее время, после завершения инцидента.

21. В ходе параллельного разбирательства 31 мая 2016 года Гершман обратилась в полицию с просьбой возбудить уголовное дело против г-на О. за «истязание», преступление, предусмотренное статьей 117 УК РФ (см. пункт 60). Она перечислила повторяющиеся случаи жестокого обращения и приложила медицинские свидетельства. 6 июня 2016 года полиция отклонила ее просьбу. Власти пришли к выводу, что поведение г-на О. не являлось «мучительным», поскольку у него не было «намерения нанести

систематический вред». 26 августа 2016 года прокурор приказал полиции провести дополнительное расследование. Расследование не выявило никаких новых элементов и завершилось решением об отказе в возбуждении уголовного дела, которое было вынесено 1 декабря 2016 года. Прокурор отменил это решение 13 января 2017 года и приказал полиции в течение 20 дней оценить тяжесть травм Гершман, получить от нее заявление и установить свидетелей. Не ясно, выполнила ли полиция указания прокурора.

22. 3 января и 23 апреля 2017 года г-н О. предположительно напал на Гершман во время ее встречи с дочерью. После первого нападения она получила сотрясение мозга, ушибы на голове и спине и не могла работать с 5 по 18 января 2017 года. Она сообщила о нападениях в полицию, которая отказалась проводить расследование на том основании, что «нанесение побоев» больше не является уголовным преступлением. Гершман добивалась судебного преследования г-на О. в административном производстве по статье 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях (см. пункт 58). Дело было возбуждено 2 ноября 2017 г., но прекращено 1 января 2018 года на том основании, что местонахождение г-на О. установить не удалось.

23. 26 ноября 2019 года г-н О. предположительно напал на Гершман в зале суда во время слушания дела об опеке над ребенком. Гершман получила сотрясение мозга, ушибы на голове и взяла 15-дневный отпуск по болезни. 4 декабря 2019 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела по факту «повторного нанесения побоев» по статье 116.1 Уголовного кодекса (см. пункт 58).

### **С. Дело Петраковой (жалоба № 27484/18)**

24. Петракову в Суде представляла Мари Давтян, адвокат, практикующий в Москве.

25. В 2006 году Петракова вышла замуж за г-на А. У них было двое детей, и они жили вместе в квартире, владельцем которой был г-н А. По словам Петраковой, в период с конца 2007 года по апрель 2015 года – когда их брак был расторгнут в результате развода – г-н А. нападал на нее более 20 раз. Полиция отказалась расследовать ее жалобы, поскольку угрозы не достигли порога «реальности» и на том основании, что «нанесение побоев» подлежит частному преследованию. Петракова должна была выдвинуть обвинения против г-на А. в мировом суде.

26. 28 апреля 2015 года Петракова обратилась к начальнику районной полиции с просьбой о защите. Она перечислила все предполагаемые нападения г-на А., приложила медицинские доказательства и просила полицию вмешаться. Она подчеркнула, что г-н А. избивал, унижал и оскорблял ее, что он угрожал убить ее и сжечь их совместное имущество и что она жила в постоянном страхе. Полиция допросила Петракову и г-на А., и 8 мая 2015 года было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором воспроизводился текст предыдущих решений. 1 июля 2015 года надзирающий прокурор отменил это постановление и распорядился провести дополнительное расследование, которое должно было включать,

в частности, медицинскую оценку травм Петраковой. 22 июля 2015 года полиция вынесла постановление с идентичным текстом. Согласно ему, получение медицинской карты Петраковой и проведение медицинского освидетельствования «оказались невозможными в установленные сроки».

27. 10 мая 2015 года Петракова сообщила в полицию, что г-н А. разбил ее мобильный телефон и проколол шины ее автомобиля. 23 июня 2015 года из больницы в полицию сообщили, что Петракова и ее подруга прошли там лечение от ушибов и ссадин. Полиция отказалась расследовать оба инцидента. Что касается нападения, то полиция использовала ту же формулировку, что и раньше. В отношении повреждения ее телефона и автомобиля в полиции заявили, что они были незначительными.

28. 5 августа 2015 года мировой судья района Выхино-Жулебино в Москве прекратил дело частного обвинения Петраковой против г-на А. на основании Закона об общей амнистии.

29. 13 октября 2015 года надзирающий прокурор рассмотрел жалобу Петраковой. Он дал указание полиции принять к сведению повторяющуюся практику нападений г-на А. и начать расследование преступления «истязание» по статье 117 УК РФ. Полиция приняла заявление у Петраковой и возбудила уголовное дело. Петракова подробно описала 23 случая нападения с 2007 года и свои неудачные жалобы в полицию. Петракова указала, что у г-на А. были пневматический пистолет и охотничье ружье. Полиция получила медицинские записи, назначила медицинское освидетельствование, опросила друзей Петраковой, которые были свидетелями некоторых нападений, и взяла показания у г-на А., который частично согласился с ее рассказом.

30. В рамках параллельного гражданского разбирательства Петракова подала в суд на г-на А. с требованием компенсации морального вреда. 8 февраля 2016 г., выходя из гражданского суда, г-н А. напал на нее, ударил кулаком в лицо и разорвал куртку. 17 февраля 2016 года полиция отказала в возбуждении уголовного дела, сославшись на незначительный характер ущерба.

31. 1 апреля 2016 года следователь, ведущий уголовное дело, вынес два постановления. В обоих воспроизводился текст жалобы Петраковой, касающейся 23 случаев нападения. В первом постановлении следователь выразил мнение, что систематический элемент «истязания» подразумевает, что избиения должны быть не просто повторяющимися, но и «внутренне согласованными с желанием преступника причинить жертве особенно мучительные физические или психические страдания». Действия г-на А. не содержали такого элемента, они были «обычными бытовыми конфликтами, вызванными личной неприязнью в связи с их проживанием под одной крышей». Поскольку Петракова не получила реальных телесных повреждений, следователь постановил, что три случая нападения следует квалифицировать как «нанесение побоев», а не как «истязание». Во втором постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела не было указано, к какому из 23 инцидентов оно относится.

32. 21 июля и 31 августа 2016 года мировые судьи районов Рязанский и Выхино-Жулебино в Москве соответственно прекратили дела частного

обвинения против г-на А. в связи с нападениями 23 июня 2015 года и 8 февраля 2016 года. Они утверждали, что после развода Петракова и г-н А. больше не были «членами семьи», тогда как из-за законодательных изменений в 2016 году нанесение побоев незнакомыми людьми не является уголовным преступлением.

33. 6 сентября 2016 года мировой судья района Выхино-Жулебино признал г-на А. виновным в двух случаях уголовного «избиения» в связи с нападениями 22 декабря 2014 года и 11 марта 2015 года и приговорил его к 120 часам общественных работ.

34. 18 ноября 2016 года Кузьминский районный суд по апелляции адвоката Петраковой отменил постановление о прекращении дела частного обвинения от 31 августа 2016 года и решение от 6 сентября 2016 года на основании неправильной юридической характеристики действий г-на А. Дело было возвращено мировому судье, который, в свою очередь, отправил его обратно в прокуратуру.

35. 4 апреля 2017 года полиция получила досье из прокуратуры. Семь дней спустя они отложили разбирательство на том основании, что местонахождение г-на А. установить не удалось. 28 апреля 2017 года решение об отсрочке было отменено. 13 мая 2017 года следователь вынес постановление о прекращении производства, сославшись на изменения в законодательстве 2017 года, согласно которым побои, совершенные членами семьи, были переквалифицированы в административное правонарушение.

36. 17 ноября 2017 года расследование было возобновлено. 25 ноября и 1 декабря 2017 года сначала надзирающий прокурор, а затем Кузьминский районный суд установили, что продолжительность расследования превысила разумный срок, что решения от 1 апреля 2016 года были преждевременными и неполными и что с 28 марта 2017 года в деле не было прогресса. 17 декабря 2017 года расследование было вновь приостановлено.

37. 8 февраля 2018 года срок предъявления обвинения истек. По данным Правительства, 3 сентября 2019 года заместитель начальника московской полиции отменил решение о приостановлении от 17 декабря 2017 года и распорядился возобновить расследование.

#### **Д. Дело Грачевой (жалоба № 28011/19)**

38. Грачеву первоначально представляла Мари Давтян, а позже Валентина Фролова, адвокаты, практикующие в Москве и Санкт-Петербурге соответственно.

39. В 2012 года Грачева вышла замуж за г-на Д., и у них родились двое детей. В 2017 году их отношения ухудшились, и она решила подать на развод.

40. По ее словам, в ночь на 30 октября 2017 года г-н Д. проверил ее мобильный телефон и обвинил в измене. Он предположительно бил ее кулаками и ногами, порвал ее паспорт и забрал мобильный телефон. Утром он отвез ее к участковому инспектору полиции Ш., чтобы подать заявление на получение нового паспорта. Он оставался в кабинете инспектора все то время, пока ей нужно было заполнить заявление. На следующий день Гра-

чева пошла к своей матери и рассказала ей о жестоком обращении. Ее мать сфотографировала травмы и предложила пожаловаться на жестокое обращение в полицию, но Грачева отказалась, опасаясь мести против себя и своих детей.

41. Г-н Д. продолжал контролировать передвижения Грачевой и настаивал на том, чтобы отвезти ее на машине в офис и обратно домой. По дороге домой он внезапно изменил направление. Когда она попросила его выпустить ее из машины, он отказался и запер двери.

42. 3 ноября 2017 года Грачева вместе с детьми переехала к своей матери. Она пошла к участковому инспектору Ш. и сказала ему, что это ее муж порвал ее паспорт. Участковый Ш. ответил, что он знал, что г-н Д. был «таким человеком». Г-н Д. продолжал преследовать Грачеву перед ее домом и следил за ее передвижениями по городу, используя записи с общественных камер видеонаблюдения.

43. 10 ноября 2017 года Грачева приняла предложение г-на Д. поехать на машине. Когда она села, г-н Д. запер двери, взял ее мобильный телефон и показал ей нож. Он остановил машину в лесу, приставил нож к ее горлу и потребовал, чтобы она призналась в супружеской неверности. Он сказал, что убьет ее и расплавит ее тело в кислоте. В конце концов он отвез ее в офис без повреждений.

44. На следующий день Грачева рассказала своей матери об этом инциденте. Ее мать подала жалобу в полицию от имени дочери. Инспектор полиции З. позвонил ей, чтобы договориться о встрече. В 21 час в отделении полиции Грачева дала показания о нападениях, угрозах и похищении. 19 ноября 2017 года полиция приняла показания г-на Д.

45. 29 ноября 2017 года другой инспектор полиции Г. вызвал Грачеву для дачи показаний. Он принял фотографии травм, полученных ее матерью. По словам Грачевой, он неоднократно предлагал ей отозвать свою жалобу, утверждая, что поведение г-на Д. было «проявлением любви».

46. Как г-н Д. показал позже, примерно 1 декабря 2017 года он разработал план наказания Грачевой за предполагаемую неверность, отрубив ей руки. Он купил топор и набор резинок, чтобы остановить кровотечение. Он спрятал их в багажнике своей машины и отправился на разведку в лес в поисках укромного места.

47. После того как Грачева подала на развод, г-н Д. привел свой план в действие. Утром 11 декабря 2017 года он запер ее в машине и отвез на место, связал ей руки и несколькими ударами топора отрубил обе руки. Она онемела от шока и не оказала никакого сопротивления.

48. Г-н Д. наложил резинки на культы, чтобы остановить кровотечение, и отвез ее в отделение неотложной помощи городской больницы г. Серпухова. Оттуда он пошел в полицию и сдался властям. В итоге ему было предъявлено обвинение в похищении и угрозах убийством в связи с инцидентом 10 ноября 2017 года, а также в похищении и причинении тяжких телесных повреждений в связи с нападением 11 декабря 2017 года.

49. Грачева полностью потеряла правую руку, которая была ампутирована у запястья; ее левая рука была спасена и реплантирована, но восстановился лишь ограниченный диапазон ее движений и функций.



50. В решении от 15 ноября 2018 года, которое было оставлено в силе по апелляции 21 января 2019 года, Серпуховский городской суд признал г-на Д. виновным по предъявленному обвинению и приговорил его к 14 годам лишения свободы. В ходе судебного разбирательства суд заслушал показания участковых инспекторов Г. и З. Когда их спросили, какие защитные меры они рекомендовали Грачевой, то участковый инспектор Г. ответил, что он предложил ей «ограничить свое общение» с г-ном Д.

51. Грачева пыталась возбудить уголовное дело против инспектора Г. за профессиональную халатность. 21 февраля 2018 года Следственный комитет г. Серпухова возбудил уголовное дело, которое было закрыто 21 мая 2018 года. Следователь установил, что инспектор Г. и г-н Д. дали «согласующиеся показания» о том, что, даже если бы в отношении г-на Д. было возбуждено уголовное дело и применена мера пресечения, это «не поколебало бы решимости [г-на Д.] совершить нападение на Грачеву».

52. 7 июня 2018 года надзирающий прокурор приказал следователю возобновить расследование. 13 октября и 30 декабря 2018 года следователь приостановил дело, заявив, что не смог связаться с инспектором Г., который был командирован в другой регион.

53. Адвокат Грачевой подал жалобу в суд на неэффективное расследование. 16 мая 2019 года Серпуховский городской суд объявил, что он не обладает юрисдикцией для оценки того, было ли расследование эффективным.

## СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА

### I. УГОЛОВНОЕ ДЕЛО

#### A. Нападение: статьи 105–115 Уголовного кодекса РФ

54. Глава 16 УК РФ охватывает преступления против личности, включая убийство и непредумышленное убийство (статьи 105–109) и три степени нападения, повлекшие за собой нанесение телесных повреждений (статьи 111–115). «Тяжкие телесные повреждения» (статья 111) могут повлечь за собой потерю части тела или прерывание беременности; «телесные повреждения средней тяжести» (статья 112) приводят к длительному расстройству здоровья или потере трудоспособности, а «легкие телесные повреждения» (статья 115) охватывают травмы, для заживления которых требуется до 21 дня. Статья 115 охватывает как «не отягчающие обстоятельства», так и «отягчающие обстоятельства» формы «легкого телесного повреждения»; к последним относятся преступления, совершенные по расовым, этническим, социальным или «хулиганским» мотивам или с применением оружия.

55. Причинение смерти, тяжкого, средней тяжести или легкого телесного повреждения при отягчающих обстоятельствах подлежит государственному преследованию; преступление «легкого телесного повреждения» без отягчающих обстоятельств подлежит частному преследованию, что означает, что возбуждение и проведение уголовного разбирательства оставлено

на усмотрение жертвы, которая, как ожидается, соберет доказательства, установит личность преступника, обеспечит свидетельские показания и предъявит обвинения в мировом суде. Производство по делу частного обвинения может быть прекращено на любой стадии вплоть до вынесения судебного решения в том случае, если жертва согласилась снять обвинения.

### **В. «Нанесение побоев»: статья 116 УК РФ и статья 6.1.1 КоАП РФ**

56. Другие формы нападения, которые могут причинить физическую боль, не приводя к фактическим телесным повреждениям, рассматриваются как «побои» в соответствии со статьей 116 УК РФ. В последнее время в это положение несколько раз вносились поправки.

57. До 3 июля 2016 года любая форма «побоев» представляла собой уголовное преступление, наказуемое штрафом, общественными работами или лишением свободы на срок до трех месяцев. Нанесение побоев при отягчающих обстоятельствах может быть наказано более длительным сроком лишения свободы. Уголовное преследование за это преступление было оставлено на усмотрение частной инициативы жертвы. Закон не проводит различий между различными контекстами, в которых может быть совершено преступление, будь то в семье или между незнакомыми людьми.

58. 3 июля 2016 года статья 116 УК РФ была изменена несколькими способами.

Во-первых, обычная, «не отягчающая» форма побоев была декриминализована и перекалифицирована в административное правонарушение в соответствии с новой статьей 6.1.1 КоАП. Статья 6.1.1 КоАП содержит те же положения, что и первоначальная статья 116 УК РФ, но предусматривает административные наказания за правонарушения, совершенные впервые, в виде штрафа, общественных работ или лишения свободы на срок до 15 суток.

Во-вторых, была создана новая форма «побоев с отягчающими обстоятельствами». Оно включало, в частности, побои, совершенные в отношении «близких лиц», то есть супругов, родителей, братьев и сестер и домашних партнеров, и каралось лишением свободы. Эта форма побоев стала предметом смешанного режима «государственно-частного» судебного преследования, который применяется к некоторым другим преступлениям, таким как изнасилование. В соответствии с этим режимом разбирательство возбуждается по инициативе жертвы, но расследование и судебное преследование проводятся властями и не могут быть прекращены, даже если жертва отзывает жалобу.

В-третьих, в Уголовный кодекс была добавлена новая статья 116.1 КоАП. Это создало новое преступление – «повторное нанесение побоев», определяемое как побои, совершенные лицом, которое было осуждено за те же действия в ходе административного разбирательства в течение предыдущих 12 месяцев и действия которого не являются побоями при отягчающих обстоятельствах в соответствии со статьей 116 УК РФ. Это

преступление может преследоваться только в частном порядке и карается штрафом или лишением свободы на срок до трех месяцев.

59. 7 февраля 2017 года ссылка на «близких лиц» была исключена из определения «побои при отягчающих обстоятельствах» в тексте статьи 116 УК РФ с целью декриминализации актов побоев, совершенных супругами, родителями или партнерами. Единственными оставшимися формами побоев при отягчающих обстоятельствах в настоящее время являются побои, совершенные по расовым, этническим, социальным или хулиганским мотивам.

### **С. «Пытки» и угрозы убийством: статьи 117 и 119 УК РФ**

60. Преступление «истязание» статьей 117 УК РФ определяется как «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или других насильственных действий, которые не приводят к тяжким или средним телесным повреждениям». Акт «истязания» наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

61. Угрозы убить или нанести тяжкие телесные повреждения, «если были основания опасаться, что угроза может быть осуществлена», представляют собой преступление, подлежащее государственному преследованию в соответствии со статьей 119 УК РФ, наказуемое общественными работами или лишением свободы на срок до двух лет.

## **II. ИНФОРМАЦИЯ О ГЕНДЕРНОМ НАСИЛИИ В РОССИИ**

62. Статистическая информация, исследования и документация о гендерном насилии в России, которые были доступны Суду на момент вынесения решения содержится в деле *Volodina v. Russia* (см. пункты 40–45 этого постановления № 41261/17, 9 July 2019). Новая соответствующая информация кратко изложена ниже.

### **A. Доклады Верховного комиссара Российской Федерации по правам человека**

63. В докладе за 2018 год отмечался системный характер проблемы насилия в отношении женщин, которая остается «неприемлемой и наиболее жестокой формой дискриминации по признаку пола». Согласно опросам общественного мнения, насилие в отношении женщин было важной проблемой для большинства россиян (73 %); треть респондентов (32 %) утверждают, что женщины, скорее всего, подвергались физическому насилию несексуального характера; респонденты женского пола (38%) упоминают об этом чаще, чем мужчины (25 %); и 49 % опрошенных женщин опасаются стать жертвами насилия в семье. Верховный комиссар повторила свою рекомендацию Правительству от 2017 года разработать всеобъемлющий федеральный закон о борьбе с насилием в семье.

64. В 2019 году Верховный комиссар сообщила, что законодательство о насилии в семье было разработано специальной рабочей группой, создан-

ной по поручению Председателя Совета Федерации. Законодательство направлено на внедрение новых подходов к защите жертв бытового насилия при «сохранении семейной ячейки и оказании помощи в трудных жизненных ситуациях». В духе открытости и прозрачности закон был опубликован для обсуждения на веб-сайте Совета Федерации (см. пункт 67). Верховный комиссар подчеркнула, что насилие в семье «неприемлемо ни при каких обстоятельствах» и является «преступлением против основных прав человека», признанным таковым в более чем 120 государствах, которые ввели охраняемые приказы в свое законодательство.

65. В докладе за 2020 год проект закона не упоминается. В нем говорится, что пандемия COVID-19 и карантинные меры повысили уровень стресса в семьях. Верховный комиссар получила почти в два раза больше жалоб на бытовое насилие, а Кризисный центр для женщин и детей в Москве сообщил об увеличении числа заявлений на 20 %.

## **В. Национальная стратегия действий в интересах женщин**

66. *Исследование по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и бытовым насилием в Российской Федерации* (апрель 2020 года)<sup>1</sup> было подготовлено в рамках проекта «Сотрудничество по реализации Национальной стратегии действий Российской Федерации в интересах женщин (2017–2022)». Проект, реализуемый Советом Европы в сотрудничестве с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, Верховным Комиссаром по правам человека и Министерством иностранных дел, был посвящен, в частности, способам предотвращения насилия в отношении женщин и насилия в семье. Исследование показало следующее:

«[Раздел 4.1] В России Национальная стратегия действий в интересах женщин [NASW] на 2017–2022 годы и План действий по реализации стратегии являются двумя политическими документами, в которых четко рассматривается проблема насилия в отношении женщин [VAW], с особым вниманием к бытовому («семейному») насилию [DV] и сексуальному насилию. В то время как программные документы концептуализируют насилие в семье как форму насилия, оказывающую особое воздействие на женщин, в них не уточняется, каким образом VAW проистекает из неравенства и дискриминации. NASW описывает VAW как признак социального неблагополучия и характеризует его как проблему, связанную со злоупотреблением психоактивными веществами... Ни NASW, ни План действий не содержат определений терминов «насилие в отношении женщин» или «насилие в семье», которые указывали бы на признание контекста, в котором совершается насилие над женщинами, или учитывали бы опыт жертв/пострадавших. Не существует государственной политики, посвященной исключительно VAW или DV. Кроме того, хотя законопроект находится на рассмотрении, в российском законодательстве нет определений VAW или DV. На самом деле фраза «насилие в семье» фигурирует только в Федеральном законе о предоставлении социальных услуг, но без определения этого термина.

[Раздел 4.4] Министерство внутренних дел... регулярно собирает информацию о преступниках и жертвах зарегистрированных преступлений (т. е. пол, возраст, характер травмы), а также об отношениях между жертвой и преступником (т. е. знаком-

---

<sup>1</sup> URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a04>. Версия на дату вынесения постановления.

ТУНИКОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ.  
Неофициальный перевод постановления

цем, известным человеком, супругом, партнером, членом семьи...)... Существует ряд недостатков в методологии и процессе сбора данных, используемых Министерством внутренних дел... Во-первых, отсутствует согласованная терминология. Статистические данные правоохранительных органов, которые были проанализированы для этого исследования, используют термины, которые в широком смысле относятся к насилию, происходящему в семьях и между членами семьи, или в узком смысле означают насилие между супругами... Во-вторых, данные правоохранительных органов о DV включают только людей, которые по закону считаются «членами семьи» (ограничиваются родителями, детьми, братьями и сестрами, другими кровными родственниками и супругами), и они исключают партнеров, не состоящих в браке, или бывших супругов. В-третьих, статистика правоохранительных органов касается только уголовных производств, без учета жалоб жертв бытового насилия, которые не привели к возбуждению уголовного дела, и всех административных правонарушений. Данные из других секторов (например, поступление жертв/выживших в медицинские учреждения, записи о неотложной медицинской помощи, контакты с социальными службами) либо отсутствуют, либо недоступны для этого исследования...

[Раздел 5.1] Новый законопроект «О предупреждении насилия в семье» был опубликован 29 ноября 2019 года на веб-сайте Совета Федерации Российской Федерации для общественного обсуждения... Проект устанавливает обязательство для нескольких соответствующих законодательных органов (социальные службы, правоохранительные органы и т. д.) принимать ряд превентивных мер и вводит приказы о защите жертв бытового насилия, что является важным шагом на пути к их защите от дальнейшего насилия. Однако определение «бытового насилия», содержащееся в статье 2 законопроекта, делает неясным, какие действия призван охватывать этот законопроект. Представляется разумным считать, что он намеревается охватить все действия, которые не квалифицируются как административные или уголовные правонарушения; таким образом, он, по-видимому, охватывает те ситуации, которые выигрывают от частичной декриминализации насилия в семье, введенной в 2017 году. Если эта интерпретация верна, то законопроект и содержащиеся в нем превентивные меры должны быть направлены на обеспечение неуголовного правового реагирования на бытовое насилие «низкого уровня», что также будет означать, что безнаказанность за такие действия не будет затронута. Проект, похоже, не заходит так далеко, чтобы криминализировать все формы бытового насилия, на самом деле он, похоже, не меняет статус-кво после реформ в 2016 и 2017 годах...

[Раздел 5.2.2] Что касается расследования, то жалобы на насилие в семье рассматриваются в соответствии с общей инструкцией, которая регулирует получение и регистрацию сообщений о преступлениях и административных нарушениях [Приказ Министерства внутренних дел № 736 от 29 августа 2014 года]. Эта инструкция не содержит конкретных инструкций о том, как обращаться с жалобами на бытовое насилие или другие формы насилия в семье. В тексте не содержится инструкций по немедленной защите жертв DV или оценке рисков.

[Раздел 6.1] В России участковые уполномоченные полиции (участковые) являются подразделением местной полиции, которое чаще всего занимается расследованием уголовных дел. Они не специализируются на борьбе с ВИЧ, но одной из их специфических обязанностей является проведение «профилактической работы» с лицами, совершившими правонарушения или преступления в семейной сфере... Районная полиция имеет полномочия регистрировать людей, которые считаются нарушителями общественного порядка, в том числе лиц, совершивших правонарушения, в рамках мер профилактического контроля (профилактический учет) сроком на один год... Эта система характеризуется как превентивная работа, и основное внимание в действиях полиции уделяется поведению правонарушителя. Не существует никаких правил, касающихся того, как полиция должна оценивать или управлять безопасностью жертвы в контексте DV. Не было обнаружено анализа, позволяющего определить эффективность этой меры в предотвращении повторного насилия или снижении риска, такого как исследование рецидивизма... Эксперты отмечают, что сотрудники по-

лиции, как правило, не очень активны в проведении такого рода профилактической работы, не регистрируя правонарушителей и не поддерживая контактов с теми, кто был зарегистрирован. Считается, что причинами бездействия полиции является большая загруженность многих участковых в сочетании с низким приоритетом, придаваемым делам DV, или из-за личных предубеждений. Недостаточное внимание к безопасности жертвы вызывает особую озабоченность в свете того факта, что международная практика показала, что конкретные действия по инициированию или участию в судебных разбирательствах, как правило, приводят к дальнейшему и более интенсивному насилию. Помимо процедурных недостатков в правоохранительной системе для предотвращения эскалации насилия в семье широко задокументировано, что полиция систематически не возбуждает дела по случаям насилия в семье. Из-за распространенных заблуждений и гендерных стереотипов, существующих в правоохранительных органах и системе правосудия, полиция часто не видит необходимости вмешиваться в то, что она считает «частными делами», и не признает насилие в семье заслуживающим превентивных мер или расследования. Адвокаты, представляющие интересы жертв насилия, сообщают, что полиция на самом деле часто обвиняет женщин в насилии или пытается отговорить их от подачи официальных жалоб.

### **С. Проект закона о насилии в семье**

67. 29 ноября 2019 года на сайте Совета Федерации был опубликован законопроект о предупреждении бытового насилия. Представителям общественности было предложено представить замечания и предложения в течение двух недель. Было получено более 11000 комментариев. На дату вынесения настоящего решения законопроект не был вынесен на рассмотрение Государственной Думой.

## **ПРАВО**

### **I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ**

68. Принимая во внимание схожий предмет жалоб, Суд считает целесообразным рассмотреть их совместно в одном постановлении.

### **II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ**

69. Заявители жаловались на то, что власти не смогли защитить их от актов насилия в семье из-за несовершенства внутренней правовой базы и отсутствия средств правовой защиты от насилия в семье, а также не расследовали акты насилия, жертвами которых они стали. Они ссылались на Статью 3 Конвенции, взятую отдельно и вместе со Статьей 13, которые в соответствующих частях гласят следующее:

#### **Статья 3**

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению...»

#### **Статья 13**

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты в национальном органе власти...»

## **А. Приемлемость**

70. Суд считает, что данная жалоба не является ни явно необоснованной, ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в Статье 35 Конвенции. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

## **В. Существо**

### *1. Подвергались ли заявительницы обращению, подпадающему под Статью 3 Конвенции*

#### **(а) Доводы сторон**

71. Заявительницы утверждали, что различные формы физического и психологического насилия, которому они подверглись, были достаточно серьезными, чтобы подпадать под действие Статьи 3 Конвенции. Неспособность властей принять меры, которые могли бы удержать преступников от дальнейшего насилия и предоставить заявительницам средства немедленной защиты, следует признать фактором, в значительной степени способствующим психологическим страданиям, испытываемым заявительницами. Заявительницы Туникова, Грачева и Петракова утверждали, что они подвергались особо экстремальным формам домашнего насилия, которое причинило им очень серьезные и жестокие страдания, которые приравнивались к «пыткам», а не к «бесчеловечному или унижающему достоинство обращению». По их мнению, признание серьезных случаев бытового насилия «пыткой» подчеркнет серьезность насилия в глазах общественности и властей, которым поручено осуществлять мониторинг и реагировать, расширять возможности жертв и препятствовать преступникам или даже сдерживать их.

72. Правительство утверждало, что настоящее дело касалось только того, каким образом государственные власти выполнили свои позитивные и процессуальные обязательства по Статье 3. Никаких вопросов по существу Статьи 3 не возникло, поскольку телесные повреждения были причинены частными лицами, а не государственными должностными лицами или другими лицами, действовавшими в официальном качестве. Соответственно, утверждение трех заявительниц о том, что действия частных лиц, жертвами которых они стали, следует квалифицировать как «пытки», а не как «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», выходит за рамки рассматриваемого Судом дела.

#### **(b) Оценка Суда**

73. Суд повторяет, что для того, чтобы жестокое обращение подпадало под действие Статьи 3, оно должно достигать минимального уровня жестокости. Оценка того, был ли достигнут этот минимум, зависит от многих факторов, включая характер и контекст обращения, его продолжительность и физические и психические последствия, а также от пола жертвы и отношений между жертвой и актором. Жестокое обращение, достигающее такого уровня тяжести, обычно влечет за собой фактические телесные по-

вреждения или сильные физические или психические страдания. Однако даже при отсутствии этих аспектов обращение, которое оскорбляет или унижает человека, демонстрирует неуважение или умаляет его человеческое достоинство или которое вызывает чувство страха, страдания или неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление человека, также может подпадать под запрет, установленный в Статье 3 (см. *Bouyid v. Belgium* [GC], no. 23380/09, § 86–87, ECHR 2015).

74. В данном случае четыре заявительницы подверглись физическому насилию со стороны своих партнеров и (бывших) мужей, что было зафиксировано в медицинских картах, а также в полицейских отчетах. Туникову ударили по голове, и она получила сотрясение мозга, ушибы и ссадины; Гершман указала, что подвергалась нападениям более одного раза как внутри, так и вне дома; Петракова сообщила о многочисленных нападениях в течение семи лет, а бывший муж Грачевой избил и изувечил ее, оставив инвалидом на всю жизнь (см. пункты 7, 15–16, 29, 47). Причинение физической боли и телесных повреждений указывает на то, что обжалуемое обращение превысило порог жестокости, предусмотренный Статьей 3 Конвенции.

75. Суд также признал, что помимо физических травм психологическое воздействие является важным аспектом насилия в семье (см. *Valiulienė v. Lithuania*, no. 33234/07, § 69, 26 March 2013, и *Volodina v. Russia*, no. 41261/17, § 74–75, 9 July 2019). Статья 3 относится не только к причинению физической боли, но и к психическим страданиям, которые вызваны созданием состояния страдания и стресса иными способами, чем физическое насилие (см. *El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [GC], no. 39630/09, § 202, ECHR 2012). Страх перед дальнейшими нападениями может быть достаточно серьезным, чтобы заставить жертв домашнего насилия испытывать страдания и беспокойство, способные достичь минимального порога применения Статьи 3 (см. *Eremia v. the Republic of Moldova*, no. 3564/11, § 54, 28 May 2013; *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, no. 26608/11, § 41, 28 January 2014; и *Volodina*, упомянуто выше, § 75).

76. Угрожающее поведение партнеров и (бывших) мужей заявительниц заставляло их опасаться повторения насилия в течение длительного времени. Свидетельства такого страха можно найти в их попытках уехать и искать защиты у властей (см. пункты 16, 26 и 41). Конфронтация с бывшими партнерами в условиях, когда это было неизбежно, таких как встречи с детьми и судебные разбирательства, привела к дальнейшим нападениям на Гершман и Петракову (см. пункты 22–23 и 30). Бывший муж Грачевой демонстрировал контролирующее и принудительное поведение, отслеживая ее передвижения, преследуя ее перед домом, запирая ее в машине и угрожая убийством (см. пункты 40–43). Пренебрежительное отношение властей, которые не предоставляли заявительницам никакой защиты, часто перед лицом срочных просьб о помощи, возможно, усугубило чувство тревоги и бессилия, которое испытывали заявительницы из-за угрожающего поведения преступников. Непредсказуемая эскалация насилия и неуверенность в том, что с ними может случиться, увеличили уязвимость заяви-



тельниц и привели их в состояние страха и эмоционального и психологического стресса. Суд считает, что эти психологические аспекты были достаточно серьезными, чтобы сами по себе приравниваться к обращению, подпадающему под действие Статьи 3 Конвенции.

77. Остается аргумент трех заявительниц о том, что обращение, жертвами которого они стали, должно быть не только описано как подпадающее под Статью 3 Конвенции, но и квалифицировано как представляющее собой «пытку». Суд считает, что дополнительная характеристика, хотя и важная для заявительниц и способная повлиять на общественное восприятие насилия в семье, не является необходимой в обстоятельствах настоящего дела, в котором нет сомнений в том, что обращение, которому подверглись заявительницы, достигло необходимого порога жестокости, чтобы подпадать под действие Статьи 3 Конвенции (см. *Ćwik v. Poland*, no. 31454/10, § 82–84, 5 November 2020).

78. Из прецедентного права Суда, изложенного в последующих пунктах, следует, что позитивные обязательства властей по Статье 3 Конвенции включают, во-первых, обязательство создать законодательную и нормативную базу защиты; во-вторых, в определенных четко определенных обстоятельствах обязательство оперативно реагировать на сообщения о насилии в семье и принимать оперативные меры для защиты конкретных лиц от риска жестокого обращения; в-третьих, обязательство проводить эффективное расследование по обоснованным заявлениям, касающимся каждого случая такого жестокого обращения. В целом первые два аспекта этих позитивных обязательств классифицируются как «существенные», в то время как третий аспект соответствует позитивному «процессуальному» обязательству государства (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 77; *X and Others v. Bulgaria* [GC], no. 22457/16, § 178, 2 February 2021; and *Kurt v. Austria* [GC], no. 62903/15, § 165, 15 June 2021, с дальнейшими ссылками).

## 2. *Выполнили ли власти свое позитивное обязательство*

### (а) *Обязательство создать правовую основу*

#### 1. *Доводы сторон*

##### (а) *Заявительницы*

79. Заявительницы утверждали, что в России нет специального законодательства, способного решить проблему бытового или семейного насилия. Более того, в российской правовой и политической сфере не было единого мнения относительно масштабов этого явления: оскорбления, угрозы, преследование, экономическое и психологическое насилие не преследовались по закону ни в одном национальном законодательстве и даже теоретически не рассматривались как подпадающие под действие «насилия». Некоторые положения КоАП и УК РФ теоретически могли бы обеспечить определенную форму защиты или ответственности от случаев физического насилия; однако на практике они оказались неэффективными в борьбе с преступлениями, связанными с насилием в семье. Это было наглядно проиллюстрировано фактическими обстоятельствами дел заявительниц. Существующие

положения уголовного законодательства предусматривают государственное преследование за насилие в публичной сфере, в то же время относя насилие в семейной сфере (причинение легкого вреда здоровью, повторное нанесение побоев и первый случай нанесения побоев) к меньшей категории частного обвинения, что ложится чрезмерным бременем на жертв и часто приводит к их вторичной психической травме.

80. Переквалификация «побоев» в административное правонарушение действительно привела к увеличению числа обвинительных приговоров. Однако российская статистика не проводила различий между избиениями в бытовом контексте и при других обстоятельствах. Расследование и уголовное преследование административных правонарушений не соответствовали требованиям уголовного расследования: например, у жертв не было законных средств, чтобы заставить полицию провести расследование или отреагировать на их ходатайства. Даже если преступник был осужден, жертвы не имели права требовать компенсации в рамках того же разбирательства; для этого им пришлось бы возбудить отдельное гражданское разбирательство, что потребовало бы дополнительного времени и ресурсов. В подавляющем большинстве случаев, когда нарушители подвергались санкциям (78,3 %), последние принимали форму штрафа в среднем на сумму около 70 евро. Поскольку преступление было совершено в семейной обстановке, штраф выплачивался из семейного бюджета, что могло еще больше отбить у жертв охоту подавать жалобы.

81. В России, которая остается одним из немногих государств-членов, не имеющих охранных ордеров для защиты жертв бытового насилия, в принципе нет никаких мер защиты. Система государственной защиты, направленная на защиту свидетелей в уголовном судопроизводстве, не применяется в административном судопроизводстве и плохо подходит для целей защиты жертв бытового насилия. Например, охранный ордер в любом случае не мог быть эффективно применен в случаях Петраковой и Гершман, у которых дети находились под общей опекой с правонарушителями. Общие меры по предупреждению преступности, такие как правовая подготовка, повышение осведомленности, дискуссии и реабилитация, не были эффективными, поскольку за нарушения не предусматривалось никаких наказаний.

(β) Правительство

82. Правительство заявило, что нападение на человека любого пола, будь то физическое, сексуальное или словесное, наказуемо в соответствии с российским уголовным, административным и гражданским законодательством, независимо от того, совершается ли оно членами семьи, партнерами или незнакомыми людьми. Хотя насилие в семье не было определено как отдельное уголовное или административное правонарушение, более 40 уголовных и по меньшей мере 5 административно-правовых положений касаются актов насилия в отношении лиц, в том числе совершенных членами семьи. Уголовный кодекс устанавливает ответственность за насильственные преступления, начиная от тяжких телесных повреждений

и заканчивая побоями и угрозами убийством; он также обеспечивает повышенную защиту уязвимых лиц, таких как беременные женщины и дети. Механизм частного обвинения, который оставляет преследование за преступления, связанные с «нанесением легких телесных повреждений» и «повторным нанесением побоев», на усмотрение частной инициативы жертвы, отражает конкретные существенные особенности этих преступлений. Они охватывают деяния, общественная опасность которых неразрывно связана с субъективным восприятием жертвы и не может быть объективно оценена обществом или органами прокуратуры на основе каких-либо формальных критериев. Этот механизм также отражает ориентированный на семью подход российского законодательства, согласно которому государство не должно вмешиваться в частную и семейную жизнь человека, включая его (или ее) решение помириться с насильником в целях сохранения семьи вместо привлечения государственных органов.

83. Переквалификация «побоев» как административного, а не уголовного преступления направлена на повышение неотвратимости наказания и общего сдерживания, поскольку государственное обвинение в административном судопроизводстве не позволяет жертве отозвать свою жалобу, чтобы примириться с преступником. Это также защищает жертву от повторного насилия, поскольку повторные акты побоев преследуются как уголовное преступление. Статистика подтвердила положительный эффект переквалификации: в 2016 году за административное правонарушение «нанесение побоев» было привлечено к ответственности 30000 человек, а в 2017 году — 170000. Это означало, что акты насилия в семье стали более заметными. Жертвы также могут требовать возмещения ущерба от нарушителя в рамках гражданского судопроизводства, полагаясь на установление его вины в ходе административного разбирательства. Они могут подать независимый гражданский иск в связи с нарушением права на защиту чести и достоинства или нарушением права на частную жизнь.

84. Что касается мер защиты, Правительство заявило, что российское законодательство содержит все необходимые механизмы для предотвращения актов насилия как до их совершения, так и после того, как о них было сообщено властям. Что касается первого, то законодательство о предупреждении преступности предусматривает как общие меры по выявлению и устранению непосредственных причин правонарушений и факторов, способствующих им, так и индивидуальные меры по просвещению потенциальных правонарушителей и их жертв посредством правовой подготовки, профилактических бесед, надзора, социальной адаптации и реабилитации. Эти меры были направлены на изменение мировоззрения, что является особенно важным аспектом борьбы с насилием в семье. Законодательство о защите участников уголовного судопроизводства также предусматривает меры государственной защиты, включая охрану, наблюдение за местом жительства жертвы, специальные средства защиты или помещение в охраняемое учреждение. О них могут ходатайствовать как жертвы, так и частные обвинители, в том числе в случае незначительных правонарушений, таких как нанесение побоев без отягчающих обстоятельств.

## II. Оценка Суда

85. Суд сначала рассмотрит вопрос о том, способно ли внутреннее материальное право обеспечить преследование и наказание за все формы бытового насилия. Во-вторых, он рассмотрит вопрос о том, обеспечивает ли национальная правовая база достаточные меры защиты жертв бытового насилия.

### (a) Материальное право

86. Суд напоминает, что в случаях, связанных с актами насилия в семье, от властей обычно требуется принятие мер в сфере уголовно-правовой защиты. Такие меры будут включать, в частности, криминализацию актов насилия в семье путем введения эффективных, соразмерных и сдерживающих санкций. Привлечение виновных к ответственности служит гарантией того, что такие действия не останутся без внимания компетентных органов, и обеспечивает эффективное сдерживание против них (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 78, с последующими ссылками). Различные законодательные решения в сфере уголовного права могут быть способны выполнить это обязательство при условии, что защита от насилия в семье остается эффективной. Таким образом, насилие в семье может быть классифицировано во внутренней правовой системе как отдельное преступление или как отягчающий элемент других преступлений (там же, § 79).

87. В своем первом решении по делу о насилии в семье против России, вынесенном 9 июля 2019 года, Суд установил, что в России не было принято никакого законодательного документа для борьбы с насилием, происходящим в семье, и что правовая база России неспособна наказывать все формы насилия в семье (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 80–85). Суду нет необходимости пересматривать этот вывод, поскольку законодательная база не изменилась за два года, прошедших с момента вынесения постановления по делу *Volodina*. Понятие «насилие в семье» или любой из его эквивалентов не было определено или упомянуто в какой-либо форме в российском законодательстве. Акты насилия в семье не были криминализованы как отдельное преступление или отягчающая форма каких-либо других преступлений. Российское законодательство не содержит каких-либо ужесточающих наказание положений, касающихся актов насилия в семье, и не проводит различия между насилием в семье и насилием, совершаемым незнакомыми людьми.

88. Суд также отклонил аргумент Правительства о том, что существующие положения российского законодательства способны адекватно охватить многие формы, которые принимает насилие в семье (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 81). Обстоятельства настоящего дела служат еще одной иллюстрацией этого.

89. Во-первых, согласно российскому законодательству, формы домашнего насилия, которые не приводят к фактическим телесным повреждениям или не причиняют физической боли, такие как преследование, словесное, психологическое или экономическое насилие, или любые формы контролирующего или принудительного поведения, не преследуются по зако-

ну и даже теоретически не считаются преступлением против физической или психологической неприкосновенности жертвы (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 81, сравните с постановлением *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, упомянуто выше, § 47). В данном случае, хотя бывший муж Грачевой проявлял контролирующее и принудительное поведение, запирая ее в машине, не позволяя ей самостоятельно ездить на работу, следуя за ней по городу или выслеживая ее возле дома и офиса (см. пункты 41–42), такое поведение с его стороны не представляло собой какого-либо уголовного преступления, которое могло бы привести к вмешательству полиции. Законодательная база не снабдила власти правовыми инструментами для борьбы с ранними признаками насилия в семье, если только агрессивное поведение преступника не переросло в причинение физических увечий, что и произошло с Грачевой, которая была искалечена своим мужем.

90. Во-вторых, даже в тех случаях, когда применялось физическое насилие, российское уголовное законодательство требует, чтобы травмы жертвы достигали высокого порога тяжести, чтобы оправдать участие полиции и органов прокуратуры. Только лишение жизни и наиболее тяжелые формы нападения, приводящие к длительному ухудшению здоровья, инвалидности или нетрудоспособности на срок не менее 21 дня, квалифицируются как преступления, подлежащие государственному преследованию, оставляя преследование за другие формы нападения частной инициативе жертвы (см. пункты 54 и 55). В контексте бытового насилия Суд, однако, счел, что возможности возбуждения дела частного обвинения недостаточно, поскольку такое разбирательство требует времени и ресурсов жертвы и не может предотвратить повторение подобных инцидентов (см. *Bevacqua and S. v. Bulgaria*, no. 71127/01, § 83, 12 June 2008, и *Volodina*, упомянуто выше, § 82). Режим частного обвинения возлагает чрезмерное бремя на жертву бытового насилия, перекладывая на нее ответственность за сбор доказательств, способных установить вину преступника в соответствии с уголовным стандартом доказывания, и за отстаивание обвинений в суде. Длительные задержки в разбирательствах частного обвинения и гораздо меньшая вероятность осуждения виновного безвозвратно подрывают доступ жертв к правосудию (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 81–84 и 123). Ни одна из трех заявительниц по настоящему делу, которые добивались привлечения виновных к ответственности в порядке частного обвинения, не преуспели в своих усилиях. Разбирательство было прекращено по формальным основаниям без принятия решения по существу жалобы или проверки того, было ли жертвам предоставлено надлежащее возмещение (см. пункты 8–11, 17–20, 28 и 32). Последующая безнаказанность виновных поставила под сомнение способность законодательной базы оказывать достаточное сдерживающее воздействие для защиты женщин от насилия в семье (см., по сути, аналогичные ситуации, *Barsova v. Russia* [Committee], no. 20289/10, § 37, 22 October 2019, and *Polshina v. Russia* [Committee], no. 65557/14, § 37, 16 June 2020).

91. В-третьих, после ряда законодательных поправок (см. пункты 56–59) причинение физической боли без фактических травм – что является распространенной формой бытового насилия – больше не считается уго-

ловным преступлением, если оно не было совершено во второй раз в течение 12 месяцев после предыдущего административного осуждения за те же деяния (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 81). Первые правонарушения преследуются только в соответствии с КоАП. По мнению Суда, положения о том, что вторичные правонарушители могут быть привлечены к ответственности за уголовное преступление «повторное нанесение побоев», совершенно недостаточно для защиты жертв от серьезного и повторяющегося насилия по следующим причинам. Суд вновь заявляет, что серьезные случаи бытового насилия требуют уголовно-правового реагирования, даже если они имеют место всего один раз, и что классификация бытового насилия как незначительного или административного правонарушения не соответствует серьезному вреду, который оно наносит жертвам (там же, § 81). Власти должны действовать быстро и решительно против бытового насилия, они не вправе ждать, пока произойдет второй инцидент, чтобы возбудить уголовное дело. Более того, поскольку уголовное преследование зависит от административного наказания, налагаемого на правонарушителя в течение одного года, предшествующего второму насильственному инциденту, это означает, что потенциально опасные рецидивисты могут никогда не подвергнуться уголовному наказанию по целому ряду причин, в том числе потому, что власти не наказали правонарушителя в предыдущем случае или решили наказать его в соответствии с другим положением уголовного или административного права, или потому, что с момента предыдущего инцидента прошло более одного года (там же, § 81). Таким образом, в случае Гершман власти закрыли административное дело против правонарушителя на том основании, что они не смогли его найти, и в отсутствие административного осуждения ее уголовная жалоба по статье «повторное нанесение побоев» в отношении последующего нападения также не могла быть рассмотрена (см. пункты 22 и 23). Более того, как Суд отметил выше, даже в тех случаях, когда повторное преступление подпадает под действие положения о «повторном нанесении побоев», разбирательство подпадает под режим частного обвинения, возлагающий бремя расследования и судебного преследования на жертву.

92. Правительство утверждало, что декриминализация побоев была необходима для предотвращения срыва судебного разбирательства жертвами путем отзыва их жалоб и что это оказало благотворное влияние на увеличение числа обвинительных приговоров. Суд не убедили их требования. Статистические данные о количестве обвинительных приговоров не делают различий между избиениями членами семьи и незнакомыми людьми, поэтому невозможно сказать, какая доля обвинительных приговоров относится к актам насилия в семье. Даже если бы число осужденных за избиения в семье увеличилось, это скорее может указывать на то, что о насилии в семье ранее сообщалось недостаточно и оно не преследовалось по закону, что совпадает с выводами Суда по делу *Volodina* (упомянуто выше, § 122–124). В деле *Volodina* Суд согласился с оценкой Комитета CEDAW о том, что поправки о «декриминализации», которые отнесли случаи избиения в первый раз, произошедшие в домашнем контексте, к сфере административного права, были «шагом в неправильном направлении»,

ведущим к безнаказанности лиц, совершивших насилие в семье (там же, § 131). Хотя диапазон возможных административных санкций за «нанесение побоев» включает тюремное заключение на срок до 15 дней, в большинстве административных дел суды предпочитали назначать виновному штраф в размере около 70 евро (см. пункт 80). Суд считает, что эта санкция может иметь незначительный, если вообще имеет место, сдерживающий эффект и не обеспечивает защиту жертвы от повторения насилия в семье. Что касается аргумента о том, что ранее было трудно добиться вынесения обвинительного приговора из-за отказа жертвы от жалоб, Суд повторяет, что органы прокуратуры должны были иметь возможность продолжать разбирательство в интересах общества, независимо от отказа жертвы от жалоб (см. *Opuz v. Turkey*, no. 33401/02, § 145, ECHR 2009, и *Volodina*, упомянуто выше, § 84). Жертвы не могут быть обвинены в неспособности государства создать адекватную законодательную базу, позволяющую привлекать виновных к ответственности и ~~привлекать их к ответственности~~ за акты насилия. Правительство не объяснило предполагаемые преимущества декриминализации побоев по сравнению с разрешением *ex officio* публичного преследования за такие преступления в соответствии с уголовным законодательством. Последнее решение, кроме того, соответствовало бы Рекомендации Совета Европы Rec(2002)5 и обязательствам России по Конвенции CEDAW (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 59, 65 и 84).

93. В-четвертых, Суд отмечает, что Гершман и Петракова безуспешно пытались возбудить уголовное дело против своих обидчиков по обвинению в «истязании» по статье 117 УК РФ. Хотя это положение конкретно не направлено против домашнего насилия, оно, по крайней мере теоретически, санкционирует систематическое причинение страданий посредством избиений и других насильственных действий, не причинивших значительных телесных повреждений (см. пункт 60). Однако, по мнению Суда, это ограниченное определение не соответствует требованиям всеобъемлющего и систематического подхода, необходимого для реагирования на серьезные случаи домашнего насилия. Это положение распространяется только на определенные формы меньшего физического насилия, которые, кроме того, должны носить «систематический» характер; оно оставляет за рамками не только многие другие виды насилия, но и любые отдельные или спорадические инциденты. Таким образом, полиция отказала Гершман в ходатайстве о возбуждении уголовного дела по факту «истязания» на том основании, что намерение обидчика причинять страдания «систематически» не может быть установлено (см. пункт 21). В случае Петраковой расследование по статье 117 УК РФ первоначально было начато в отношении 7 из 23 актов домашнего насилия, о которых она сообщила, но позже было ограничено только тремя инцидентами, при этом обвинения были перекалвалифицированы с «истязания» на «повторение побоев» (см. пункты 29 и 31). Из этого следует, что статья 117 УК РФ как по своему замыслу, так и по текущей практике применения не способна обеспечить защиту от домашнего насилия.

94. Наконец, Суд отмечает, что, хотя отдельные случаи домашнего насилия могут по причине их серьезности подпадать под действие различ-

ных положений административного или уголовного права, они будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с разными режимами и разными органами. Российское законодательство не требует от властей координации своих действий, обмена информацией об опасных правонарушениях и рассмотрения их поведения в целом, что является неотъемлемыми элементами комплексного и системного подхода, необходимого для решения сложного явления домашнего насилия. Отсутствие определения «домашнего насилия» в российском законодательстве не позволяет властям комплексно рассматривать объем насилия и рассматривать его как единый образ действий, а не отдельные инциденты (см. *Galović v. Croatia*, no. 45512/11, § 117–119, 31 August 2021).

(β) Меры защиты

95. В соответствующих международных материалах существует общее понимание того, что для предоставления жертвам бытового насилия эффективной защиты и гарантий необходимы всеобъемлющие правовые и другие меры (см. *Kurt*, упомянуто выше, § 161, с дальнейшими ссылками). Поэтому Суду необходимо убедиться в том, что, с общей точки зрения, внутренняя правовая база достаточна для обеспечения защиты от актов насилия со стороны частных лиц в каждом конкретном случае. Другими словами, набор доступных правовых и оперативных мер должен предоставлять соответствующим органам ряд достаточных мер на выбор, которые являются адекватными и соразмерными уровню риска, который был оценен в обстоятельствах дела (там же, § 179).

96. В деле *Volodina* Суд отметил, что почти во всех государствах – членах Совета Европы жертвы насилия в семье могут обратиться за немедленными мерами защиты, известными как «запретительные приказы», «охранные ордера» или «приказы о безопасности», которые направлены на предотвращение повторения насилия в семье и защиту жертвы, требуя, чтобы преступник покинул совместное проживание и воздерживался от приближения к жертве или контакта с ней. Россия, однако, остается в числе немногих государств-членов, национальное законодательство которых не предоставляет жертвам насилия в семье каких-либо эквивалентных или сопоставимых мер защиты (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 88–89). На сегодня ситуация не изменилась: жертвам домашнего насилия в России не было предоставлено никакой формы охранных ордеров.

97. Система государственной защиты, на которую ссылалось Правительство, не является адекватной заменой охранных ордеров в контексте бытового насилия. Как ранее установил Суд, эта схема направлена на снижение риска нападений на участников уголовного судопроизводства со стороны в основном неустановленных криминальных сообщников. Однако риск постоянного бытового насилия отличается и обычно не связан с участием лица в уголовном судопроизводстве как таковом. В случаях бытового насилия личность преступника известна, и охранный ордер предназначен для того, чтобы держать его подальше от жертвы, чтобы она могла вести настолько нормальную жизнь, насколько это возможно в данных об-



стоятельствах. В отличие от этого меры государственной защиты включают в себя крайне разрушительные и дорогостоящие мероприятия, включая охрану на полную ставку, переезд, смену личности или даже пластическую операцию. Такие радикальные меры не только ложатся бременем на жертву домашнего насилия, а не на преступника, но и, как правило, не нужны в контексте домашнего насилия, когда наличие охранного приказа вместе со строгим контролем за соблюдением партнером-насильником его условий и достаточно сдерживающими санкциями за их нарушение могло бы обеспечить безопасность жертвы и выполнить обязательство государства по защите ее от риска жестокого обращения (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 89).

98. Закон не предусматривает какой-либо защиты жертв нападений в ходе административного разбирательства, а доступ к мерам пресечения, которые теоретически могут быть применены к правонарушителям в ходе уголовного судопроизводства, серьезно ограничен пробелами в материальном праве, которые Суд указал выше. Применение таких мер требует, в качестве предварительного условия, возбуждения уголовного дела в отношении преступления, преследуемого в соответствии с Уголовным кодексом. Однако, как отмечалось ранее, многие формы домашнего насилия не являются правонарушением по российскому законодательству, и даже в тех случаях, когда они квалифицируются, мера пресечения может быть применена только с момента предъявления виновному официального обвинения. Таким образом, меры пресечения не могут быть применены на более ранней стадии производства, например в ходе «доследственной проверки», предшествующей возбуждению уголовного дела. Проблемным также является то, что потерпевший не может напрямую перед судом ходатайствовать о мере пресечения, а должен ходатайствовать перед следователем, который имеет полное и исключительное право подавать ходатайство об этом в суд. Также трудно ожидать, что такие меры могут быть применены на практике с такой безотлагательностью, которая часто необходима в ситуациях домашнего насилия.

99. Наконец, хотя российское законодательство предусматривает ряд общих мер по предупреждению преступности, таких как перевоспитание, реабилитация и профилактические беседы, они направлены против лиц, совершивших насилие в семье, но ничего не делают для защиты жертв или устранения их уязвимости. Ни один из них не обладает ключевыми характеристиками, которыми должны обладать меры защиты, чтобы обеспечить достаточные гарантии для жертв, такие как обеспечение физического удаления преступника из общего пространства и предотвращение попыток преступника вступить в контакт с жертвой любыми способами (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 58 и 88). Не имея возможности получить немедленную и эффективную защиту, жертвы часто вынуждены жить под постоянной угрозой эскалации насилия, как в данном случае.

(γ) Заключение

100. Таким образом, рассмотрев положения, предложенные Правительством как эффективные для борьбы с насилием в семье, Суд придерживается мнения, что существующая российская правовая база, в которой отсутствует определение «насилия в семье», адекватные материально-правовые и процессуальные положения для судебного преследования его различных форм и любых форм охранных приказов не соответствует требованиям, вытекающим из позитивного обязательства государства по созданию и эффективному применению системы наказания за все формы насилия в семье и обеспечению достаточных гарантий для жертв (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 85, и *Oruz*, упомянуто выше, § 145).

**(b) Обязательство предотвращать известный риск жестокого обращения**

*1. Доводы сторон*

101. Заявительницы утверждали, что в соответствии с российским законодательством им не были выданы охранные ордера и что власти в целом не проявили осведомленности об особом контексте бытового насилия. Ни в одном из их дел не были приняты даже минимальные меры защиты против преступников. Ни один сотрудник полиции или прокуратуры, к которым обращались заявительницы, не имел какой-либо специальной подготовки или квалификации для рассмотрения дел о бытовом насилии. Полиция оставалась полностью пассивной перед лицом жалоб заявительниц на систематическое насилие: сотрудники полиции не объяснили заявительницам, как защитить себя в случаях насилия, не оценили риски, не предупредили об опасности повторных актов насилия, не обсудили с ними какие-либо планы безопасности, не предложили какие-либо формы защитных мер и не сообщили заявительницам, где они могут получить юридическую, психологическую или социальную поддержку. Не сумев каким-либо образом наказать виновных за их поведение, власти создали почву для новых эпизодов насилия.

В случае Гершман суды по опеке проигнорировали контекст бытового насилия при принятии решения о проведении встреч между ней и ее дочерью в присутствии г-на О. Это привело к новым эпизодам насилия с его стороны во время встреч Гершман с ребенком. Утверждение Правительства о ее агрессивном поведении было необоснованным: судебные решения, на которые они ссылались, были отменены в апелляции как незаконные; в любом случае власти несут позитивную обязанность защищать любого от насильственного поведения, включая жертв, которые также подвергались насилию.

Петракова неоднократно обращалась к властям за помощью. Власти не приняли никаких мер для предотвращения новых инцидентов, даже несмотря на то, что ситуация продолжала обостряться, потому что г-н А., чувствуя свою безнаказанность, стал более агрессивным. Они не применили никаких мер даже после возбуждения уголовного дела против г-на А., несмотря на информацию Петраковой о том, что у него имеются пневматический пистолет и охотничье ружье.

В случае Грачевой, как только ее мать сообщила в полицию о насильственном и контролирующем поведении г-на Д., власти должны были принять защитные меры. Однако они не оценили риск повторного насилия и не предложили ей никакой стратегии снижения такого риска. Совет сотрудника полиции «ограничить общение с ее мужем» был совершенно неадекватным ответом в ситуации, которая требовала активного и решительного вмешательства властей, а не перекладывания бремени обеспечения собственной защиты на саму пострадавшую. Предположение Правительства о том, что она каким-либо образом несет ответственность за эскалацию насилия, отражает стереотипное отношение российских властей к насилию в семье как к «частному и тривиальному вопросу».

102. Правительство утверждало, что в случае Туниковой власти не знали о продолжающемся физическом насилии в течение почти двух лет, пока полиция не была вызвана для разрешения жестокого семейного конфликта. Гершман и Петракова не обратились за мерами государственной защиты во время разбирательства в мировых судах, хотя они могли бы это сделать. Кроме того, поведение Гершман было агрессивным и провокационным; она была привлечена к административной ответственности за нападение на своего бывшего мужа, который «возможно, нуждался в защите от нее больше, чем она от него». Грачева не последовала совету сотрудника полиции ограничить свое общение с мужем. Во время суда над своим бывшим мужем она объяснила, что пыталась «сохранить свою семью и дружеские отношения между ее членами». В этой ситуации никакие превентивные меры не могли быть эффективными, поскольку она не желала соблюдать даже минимальные, но разумные меры предосторожности. Ее бывший муж был признан виновным в ходе судебного разбирательства и приговорен к тюремному заключению.

## II. Оценка Суда

103. Государственные органы обязаны принимать меры для защиты лица, чья физическая или психологическая неприкосновенность находится под угрозой в результате преступных действий члена семьи или партнера (см. *Kontrová v. Slovakia*, no. 7510/04, § 49, 31 May 2007; *M. and Others v. Italy and Bulgaria*, no. 40020/03, § 105, 31 July 2012; и *Opuz*, упомянуто выше, § 176). Вмешательство властей в частную и семейную жизнь может стать необходимым для защиты здоровья и прав жертвы или для предотвращения преступных деяний при определенных обстоятельствах. Риск реальной и непосредственной угрозы, о которой стало известно местным властям, должен быть оценен с должным учетом конкретного контекста бытового насилия. В такой ситуации речь идет не только об обязанности обеспечивать общую защиту общества, но прежде всего о том, чтобы учитывать повторение последовательных эпизодов насилия в семье. Во многих случаях, когда власти не оставались полностью пассивными, они все же не выполнили свои обязательства по Статье 3 Конвенции, поскольку принятые ими меры не остановили насильника от совершения дальнейшего насилия в отношении жертвы (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 86).

104. Суд разъяснил сферу действия позитивного обязательства государства по предотвращению риска повторного насилия в контексте домашнего насилия (см. *Kurt*, упомянуто выше, §§ 161 и далее).

Во-первых, национальные власти обязаны «немедленно» реагировать на жалобы о бытовом насилии и рассматривать их с особой тщательностью, поскольку любое бездействие или задержка лишают жалобу какой-либо пользы, создавая ситуацию безнаказанности, способствующую повторению актов насилия. При оценке «непосредственности» риска власти должны учитывать специфические особенности случаев бытового насилия, такие как последовательные циклы насилия, часто с увеличением частоты, интенсивности и опасности с течением времени (там же, § 165–16 and 175–176).

Во-вторых, власти обязаны провести «автономную», «упреждающую» и «всеобъемлющую» оценку риска обращения, противоречащего Статье 3. Власти не должны полагаться исключительно на восприятие риска жертвой, но обязаны дополнять его своей собственной оценкой, предпочтительно с использованием стандартизированных инструментов оценки рисков и контрольных списков, а также сбора и оценки информации обо всех соответствующих факторах риска и элементах дела, в том числе от других государственных учреждений. Проведение оценки риска должно быть задокументировано в той или иной форме и доведено до сведения других заинтересованных сторон, которые регулярно контактируют с лицами, подверженными риску; власти должны информировать жертву о результатах оценки риска и, при необходимости, предоставлять консультации и рекомендации по доступным правовым и оперативным мерам защиты (там же, § 167–174).

В-третьих, как только будет выявлен риск для жертвы бытового насилия, власти должны как можно быстрее принять оперативные превентивные и защитные меры, адекватные и соразмерные этому риску. Надлежащее превентивное реагирование часто требует координации между несколькими органами власти, включая быстрый обмен информацией (там же, § 177–183).

105. Суд принял во внимание, в частности, следующие факторы, чтобы установить, что власти должны были знать о риске повторного насилия: истории насильственного поведения преступника и несоблюдение условий охранного приказа (см. *Eremia*, упомянуто выше, § 59), эскалация насилия, представляющая собой постоянную угрозу здоровью и безопасности жертв (см. *Opuz*, упомянуто выше, § 135–136), доступ преступника к оружию (см. *Kontrová*, упомянуто выше, § 52) и неоднократные просьбы жертвы о помощи посредством экстренных вызовов, официальные жалобы и ходатайства начальнику полиции (см. *Bălșan v. Romania*, no. 49645/09, § 62, 23 May 2017).

106. Вышеуказанные элементы также присутствовали в обстоятельствах настоящего дела. Сотрудники полиции, присутствовавшие на месте жестокой ссоры между Туниковой и ее партнером, могли лично видеть травмы ее головы и верхней части тела (см. пункты 6 и 7). Гершман и Петракова сообщили властям о насилии со стороны своих партнеров вскоре

после его начала, и в каждом случае за их первоначальными сообщениями последовало множество последующих жалоб на насилие различной степени тяжести (см. пункты 15 и 25). Их жалобы сопровождались медицинскими документами, свидетельствующими о масштабах насилия в отношении них. Петракова просила защиты и указала, что у преступника было оружие, в том числе охотничье ружье (см. пункт 29). В случае Грачевой сначала ее мать, а затем и сама заявительница сообщили о событиях в полицию (см. пункт 44).

107. Суд считает, что во всех случаях власти знали или должны были знать о насилии, которому подверглись заявительницы, и были обязаны оценить риск его повторения и принять адекватные и достаточные меры для их защиты. Однако они не выполнили это обязательство ни «немедленно», как того требуют случаи бытового насилия, ни в любое другое время.

108. Во-первых, власти не смогли провести независимую, упреждающую и всеобъемлющую оценку рисков. В российском законодательстве, политике или нормативно-правовой базе отсутствуют положения, предусматривающие какие-либо рекомендации, протоколы или инструкции по оценке рисков с учетом гендерной специфики и управлению рисками в случаях бытового насилия. Полиция в России не использует никакой методологии оценки рисков для оценки риска реализации угроз насилия в семье и риска повторного насилия, включая риск летального исхода или причинения серьезного вреда здоровью. Власти ни разу не проводили документированную оценку рисков ситуации заявительниц. Они не приняли во внимание историю насилия преступников или их доступ к оружию. Сотрудники полиции и прокуратуры, не прошедшие специальной подготовки по борьбе с бытовым насилием, при рассмотрении жалоб заявителей не проявили никакой осведомленности о специфическом характере и динамике бытового насилия. Не имеет значения, что в случае Туниковой не было повторения насилия, поскольку для определения того, было ли выполнено это обязательство, власти должны быть в состоянии показать, что они провели активную и независимую оценку рисков, чего они не сделали в ее случае и в случае других заявительниц.

109. Во-вторых, власти оставались совершенно пассивными и не приняли никаких защитных мер для предотвращения дальнейших случаев насилия в отношении заявительниц. Как Суд установил выше, это было в первую очередь связано с несовершенством российской правовой базы, в которой отсутствует механизм защиты жертв бытового насилия, такой как охранные ордера (см. пункт 97). Однако национальные власти не выполнили свое обязательство по принятию мер по снижению риска дальнейшего насилия даже в рамках существующей правовой базы. Определенные разумные и адекватные меры, например немедленное возбуждение уголовного дела в отношении преступлений, подлежащих государственному преследованию, таких как угрозы смертью или «пытки», и применение уголовно-правовых ограничений к подозреваемому, где это уместно, могли бы оказать сдерживающее воздействие на преступника и предотвратить эскалацию насилия. Власти могли бы предложить Грачевой альтернативное

жилые до разрешения уголовного дела или скорректировать условия содержания Гершман, чтобы избежать ее конфронтации с бывшим мужем. Независимо от того, применяли ли Туникова и Гершман насилие в отношении своих партнеров или нет, Суд напоминает, что обязательство защищать жертву от повторяющегося насилия партнера существует независимо от того факта, что она также могла проявлять насилие по отношению к нему (см. *Kalucza v. Hungary*, no. 57693/10, § 61, 24 April 2012).

110. Как показывают дела заявительниц, власти не сочли, что жалобы на насилие в семье заслуживают активного вмешательства. Они не предоставили заявительницам никаких мер защиты и предположили, что жертвы бытового насилия должны иметь возможность защитить себя самостоятельно. В случае Грачевой один полицейский инспектор сказал ей, что контролирующее и принуждающее поведение ее мужа было «проявлением любви», и посоветовал ей отозвать жалобу и «ограничить ее общение с мужем» (см. пункты 45 и 50). В других случаях, столкнувшись с сообщениями заявительниц о нападении, полиция не предприняла никаких значимых шагов для расследования их жалоб или получения доказательств и вместо этого направила их на возбуждение дела частного обвинения, предоставив их самим себе (см. пункты 15 и 25). В результате заявительницам было отказано в эффективной защите от насилия, на которую они имеют право в соответствии с Конвенцией. Риски повторного насилия в их случаях не были должным образом оценены или приняты во внимание. Однако, даже если бы риски были должным образом оценены и задокументированы, в российском законодательстве отсутствуют адекватные и эффективные механизмы для обеспечения безопасности жертв. Суд подчеркивает, что назначение сурового наказания за насильственное преступление после его совершения – как это произошло в случае с Грачевой – не устраняет и не уменьшает ответственности национальных властей за то, что они ранее не обеспечили ее надлежащими мерами защиты.

111. Суд считает, что российские власти не выполнили своих обязательств по проведению немедленной и упреждающей оценки риска повторного насилия в отношении заявительниц и по принятию оперативных и превентивных мер для снижения этого риска, защиты заявительниц и осуждения виновных. Власти оставались пассивными перед лицом серьезного риска жестокого обращения с заявительницами и своим бездействием и непринятием мер сдерживания позволяли правонарушителям продолжать беспрепятственно и безнаказанно угрожать, преследовать и нападать на заявительниц (сравните с делами *Volodina*, упомянуто выше, § 91, и *Opuz*, упомянуто выше, § 169–170).

**(с) Обязательство проводить эффективное расследование**

*I. Доводы сторон*

112. Заявительницы утверждали, что их дела демонстрируют бездействие, пассивность и халатность государства при расследовании случаев бытового насилия. Столкнувшись с обвинениями в жестоком обращении, власти, если они вообще отреагировали, ограничились проведением «пред-

варительного расследования», которое обычно приводило к отказу в расследовании. У трех заявительниц не было другого выбора, кроме как попытаться привлечь преступника к ответственности в порядке частного обвинения. Эта процедура стоила им ресурсов, времени и новых психологических страданий, но не дала никаких результатов. В ходе разбирательства по делу частного обвинения заявительницы должны были вызвать и допросить возможных свидетелей в суде; подать заявление с просьбой запросить и получить медицинскую документацию и экспертные заключения; допросить свидетелей защиты и самого обвиняемого; сформулировать возможный приговор. Несмотря на то что они были жертвами жестокого обращения, они должны были доказать, что обвиняемый виновен «вне всяких разумных сомнений», что было очень трудным стандартом для отдельных лиц, который можно было выполнить без поддержки правоохранительных органов, особенно в случаях, касающихся насилия в семье. В деле Туниковой многократная передача дела от полиции к мировому судье и обратно сильно повлияла на скорость и тон начальных стадий разбирательства и повлияла на заявительницу как на жертву домашнего насилия, поскольку ее страх, депрессия и страдания значительно усилились. Перед началом заключительного слушания ее адвокат несколько раз звонил секретарю суда, чтобы предупредить об их опоздании из-за пробки, но, когда все они явились в суд, решение о прекращении дела уже было вынесено. Полиция не возбудила уголовное дело по обвинениям Гершман. В ходе разбирательств по частному обвинению судьи не рассматривали историю злоупотреблений, а скорее рассматривали эпизоды как отдельные инциденты. В случае Петраковой расследование по обвинению в «истязании» было ограничено всего тремя инцидентами с применением насилия; по остальным 20 инцидентам расследование не проводилось. Переквалификация преступлений с «истязания» на «нанесение побоев» игнорировала систематический характер насилия в отношении нее. В конечном счете дело было закрыто без уведомления Петраковой, и ее бывший партнер остался безнаказанным. В случае с Грачевой ее мать впервые сообщила о нападении и похищении в ноябре 2019 года. Полиция не выезжала на место происшествия, не допрашивала свидетелей, не собирала записи камер видеонаблюдения и не обыскивала машину мужа Грачевой. 9 сотрудников полиции были привлечены к дисциплинарной ответственности или уволены из-за неспособности организовать оперативное рассмотрение сообщений. Отсутствие реакции полиции на самом важном начальном этапе (до того, как здоровью Грачевой был причинен непоправимый вред) привело к эскалации насилия, поскольку ее муж понял, что может действовать безнаказанно. Она предложила Суду признать, что преследование государственных служащих за халатность является частью обязательства по проведению эффективного расследования.

113. Правительство утверждало, что национальные власти выполнили обязательство провести эффективное и тщательное расследование всех случаев жестокого обращения, о которых им сообщили заявительницы. В случае Туниковой производство по делу частного обвинения против преступника было прекращено из-за того, что она опоздала на слушание. Суды

правильно решили, что ее неявка вовремя свидетельствует о нежелании с ее стороны продолжать расследование этого дела. По мнению Правительства, это указывало на то, что она была частично ответственна за предполагаемое нарушение. В случае Гершман полиция не смогла проверить ее утверждения и прекратила дело за отсутствием состава преступления. Она сообщила об инцидентах в полицию со значительной задержкой от двух до двадцати восьми дней. В последнем случае нельзя сказать, что расследование было неэффективным, поскольку полиция не смогла собрать доказательства из-за значительного промежутка времени, и у нее не было иного выбора, кроме как полагаться на отчет о событиях, предоставленный жертвой и преступником. Кроме того, Гершман не ходатайствовала о судебном пересмотре решения полиции, подразумевая, что она была удовлетворена результатами разбирательства. Суды взяли у нее показания в ходе разбирательства по делу частного обвинения, но сочли ее утверждения необоснованными. Петракова успешно потребовала возмещения ущерба от преступника, который также был осужден по статье 116 УК РФ. Однако его обвинительный приговор был отменен из-за ее апелляции. Расследование преступления, связанного с «истязанием», еще не было завершено. В случае Грачевой не было нарушения процессуального обязательства по Статье 3 Конвенции, поскольку ее бывший муж был судим и осужден. Сотрудники полиции, участвовавшие в ее деле, были привлечены к дисциплинарной ответственности в виде выговора, записи о плохой работе или увольнения.

## II. Оценка Суда

114. Суд напоминает, что обязательство проводить эффективное расследование всех актов насилия в семье является существенным элементом обязательств государства в соответствии со Статьей 3 Конвенции. Чтобы быть эффективным, такое расследование должно быть быстрым и тщательным; эти требования распространяются на производство в целом, включая стадию судебного разбирательства (см. *M.A. v. Slovenia*, no. 3400/07, § 48, 15 January 2015, and *Kosteckas v. Lithuania*, no. 960/13, § 41, 13 June 2017). Власти должны принять все разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента, включая доказательства судебной экспертизы. При рассмотрении дел о бытовом насилии требуется особая осмотрительность, и в ходе внутренних разбирательств необходимо учитывать специфический характер бытового насилия. Обязательство государства провести расследование не будет выполнено, если защита, предоставляемая внутренним законодательством, существует только в теории; прежде всего, она также должна эффективно действовать на практике, а это требует оперативного рассмотрения дела без ненужных задержек (см. *Opuz*, упомянуто выше, § 145–151 и 168; *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, упомянуто выше, § 46; и *Talpis v. Italy*, no. 41237/14, § 106 and 129, 2 March 2017). Принцип эффективности означает, что национальные судебные органы ни в коем случае не должны быть готовы оставить причиненные физические или психологические страдания безнаказанными. Это необходимо для поддержания доверия общественности к верховенству



закона и поддержки его, а также для предотвращения любых проявлений терпимости властей к актам насилия или сговора с ними (см. *Okkali v. Turkey*, no. 52067/99, § 65, ECHR 2006-XII (выдержки)).

115. Выше Суд установил, что власти знали или должны были знать о насилии, которому подверглись заявительницы (см. пункт 107). Их утверждения были подтверждены доказательствами, в том числе медицинскими заключениями и показаниями свидетелей, и представляли собой обоснованное заявление о жестоком обращении, что повлекло за собой обязательство властей провести расследование, отвечающее требованиям Статьи 3 Конвенции (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 93).

116. В ответ на утверждения заявителей о нападении полиция ограничила свое вмешательство короткими «доследственными расследованиями», которые неизменно заканчивались отказом в возбуждении уголовного дела на том основании, что не было совершено преступления, подлежащего государственному преследованию (см. пункты 15, 16, 22, 25–27 и 31). Суд не убежден в том, что власти предприняли серьезную попытку установить обстоятельства нападений или всесторонне рассмотрели серию насильственных инцидентов, что требуется в делах о насилии в семье. Объем «доследственных расследований» ограничивался главным образом заслушиванием версии событий, изложенной преступником. Сотрудники полиции не взяли показания у некоторых свидетелей, не назначили судебно-медицинскую экспертизу травм и не собрали никаких других соответствующих доказательств. Более того, устоявшаяся прецедентная практика Суда свидетельствует о том, что «предварительное расследование» в соответствии с российским законодательством в принципе не способно соответствовать требованиям эффективного расследования в соответствии со Статьей 3. Эта предварительная стадия имеет слишком ограниченные рамки и не может привести к судебному разбирательству и наказанию виновного, поскольку возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предпосылками для предъявления обвинений, которые затем могут быть рассмотрены судом (см. постановление *Volodina*, упомянуто выше, § 95, и прецедентное право, приведенное в нем).

117. В большинстве случаев отказ в возбуждении уголовного дела ссылался на тот факт, что травмы, полученные заявительницами, не были достаточно серьезными для возбуждения государственного преследования. Это было связано с пробелами в материальном праве, которое не криминализует многие формы бытового насилия и требует, чтобы травмы были связаны, по крайней мере, с долгосрочным ухудшением здоровья или трехнедельной нетрудоспособностью для оправдания расследования и государственного обвинения (см. пункты 89 и 90). До тех пор, пока травмы заявительниц не достигли этого порога тяжести, их единственным жизнеспособным законным вариантом было добиваться возмещения ущерба путем частного судебного преследования виновных. Проведение разбирательств по делам частного обвинения полностью зависело от их собственных усилий и решимости привлечь виновных к ответственности. Они не могли воспользоваться какой-либо помощью со стороны государственных властей, будь то в сборе избыточных доказательств, составлении юри-

дических документов, получении показаний свидетелей или предъявлении обвинений в суде. Суд считает, что предоставление заявительниц самим себе в ситуации заведомого бытового насилия равносильно отказу государства от обязательства расследовать все случаи жестокого обращения.

118. Кроме того, судьи, рассматривавшие жалобы частного обвинения, не проявили осведомленности об особенностях дел о насилии в семье и не проявили подлинного желания привлечь виновных к ответственности. На первом этапе разбирательства по делу Туниковой мировой судья признал, что ее бывший партнер совершил преступно предосудительное поведение, но решил отказаться от этого дела на том основании, что им должна заниматься полиция (см. пункт 8). Несмотря на то, что Туникову представлял адвокат, она должна была лично присутствовать в суде на каждом слушании, где ей приходилось заново переживать и пересказывать один эпизод домашнего насилия в общей сложности за 21 месяц. Непреднамеренная неявка на слушание вовремя была расценена как снятие обвинений; мировой судья отклонил дело по процедурным основаниям, не возложив ответственность за ее травмы или не подтвердив, что ей была предоставлена надлежащая защита (сравните *Polshina*, упомянуто выше, § 37). Та же схема решить дело в упрощенном порядке по формальным основаниям присутствовала в деле Гершман, в котором судьи также передали обвинения полиции, и полиция прекратила разбирательство на том основании, что травмы не достигли порога тяжести для государственного обвинения (см. пункт 18). Один судья зашел так далеко, что возложил бремя доказывания исключительно на Гершман, потребовав от нее доказать, что травмы были причинены нападением ее партнера, а не каким-либо другим способом в более позднее время (см. пункт 20). В деле Петраковой власти дважды ссылались на другое основание для отказа в рассмотрении ее жалоб, а именно на то, что после развода она больше не была юридически связана с преступником, в то время как нападение со стороны незнакомых людей не было уголовным преступлением (см. пункт 32). Как следствие, ни один из виновных в этих трех случаях не был привлечен к ответственности.

119. Даже сталкиваясь с признаками преступлений, подлежащих государственному преследованию, таких как зафиксированные телесные повреждения или угрозы убийством, власти отказывались или уклонялись от выполнения обязательства возбудить уголовное дело и полагались на поспешные и необоснованные выводы для завершения своих расследований. Таким образом, они отказались расследовать угрозы убийством в адрес Туниковой и Петраковой, утверждая, что они не были «достаточно реальными», чтобы угрожающие лица могли быть привлеченными к уголовной ответственности (см. пункты 8 и 25). Эти утверждения не были подтверждены никакими фактическими данными или основаны на независимой и всеобъемлющей оценке риска летального исхода или серьезных травм. В случае Грачевой неспособность оперативно расследовать сообщение об угрозах убийством, возможно, усилила чувство безнаказанности преступника, поскольку расследование угроз убийством началось гораздо позже, после того, как преступник причинил ей непоправимый вред (см. пункты 47–48). Суд напоминает, что запрет на жестокое обращение в соответствии

со Статьей 3 охватывает все формы бытового насилия, включая угрозы убийством, и каждое такое действие влечет за собой обязательство провести расследование. Угрозы являются формой психологического насилия, и уязвимая жертва может испытывать страх независимо от объективного характера такого запугивающего поведения (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 98). Комитет CEDAW указал, что для того, чтобы к гендерному насилию относились как к таковому, оно не обязательно должно представлять «прямую и непосредственную угрозу жизни или здоровью жертвы» (там же, § 56).

120. Наконец, Правительство утверждало, что другие средства правовой защиты, включая гражданский иск о возмещении ущерба против виновного, могли бы выполнить свои процессуальные обязательства по Конвенции. Суд повторяет, что гражданский иск мог привести к выплате компенсации, но не к судебному преследованию лиц, ответственных за акты жестокого обращения. Соответственно, это не способствовало бы выполнению государством своих процессуальных обязательств по Статье 3 в отношении расследования таких насильственных действий (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 100, и упомянутые в нем органы власти).

121. Принимая во внимание то, как власти отреагировали на сообщения заявительниц о насилии в семье, в частности неспособность властей эффективно расследовать достоверные заявления о жестоком обращении и обеспечить преследование и наказание виновных, Суд приходит к выводу, что государство не выполнило свою обязанность по расследованию жестокого обращения, которому подверглись заявительницы.

#### **(d) Заключение**

122. Таким образом, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах (см. пункт 78). В соответствии со своей устоявшейся прецедентной практикой в делах такого рода Суд считает, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, свидетельствуют ли факты также о нарушении Статьи 13 (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 102).

### **III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 3 КОНВЕНЦИИ**

123. Заявительницы жаловались на то, что неспособность государственных органов принять конкретные меры по борьбе с насилием по признаку пола в отношении женщин приравнивается к дискриминации по смыслу Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3. Соответствующая часть статьи 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, изложенными в [Конвенции], должно быть обеспечено без дискриминации по любому признаку, такому как пол...»

## **А. Приемлемость**

124. Суд считает, что данная жалоба не является ни явно необоснованной, ни неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в Статье 35 Конвенции. Поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

## **В. Существо дела**

### *1. Доводы сторон*

125. Заявительницы указали, что российские власти не располагали достоверными данными, которые позволили бы им утверждать об истинных масштабах бытового насилия в России. Те немногие статистические данные, которые были доступны, показывали лишь «верхушку айсберга», поскольку часто бывает, что о насилии в семье сообщается недостаточно. В дополнение к официальной статистике за 2016–2017 годы, которую Суд рассмотрел в деле *in Volodina* (упомянуто выше, § 41), заявители представили статистические данные за 2018 год о «преступлениях, совершенных в семье или домашнем хозяйстве». Из общего числа 34 195 таких преступлений в 2018 году 21 390 (62,55 %) были совершены в отношении женщин. Женщины составили 86 % (903 из 1044) жертв «пытток» (статья 117) и 75 % (14 201 из 18 968) жертв угрозы смерти или тяжких телесных повреждений (статья 119). После декриминализации нападения в начале 2017 года произошло резкое сокращение числа жертв «побоев» по статье 116 Уголовного кодекса (зарегистрировано 25 жертв, из которых 16 женщин, 7 несовершеннолетних и 2 мужчин). Что касается «повторного избиения» по статье 116.1, то 694 (70 %) из общего числа 994 жертв были женщинами, 283 — несовершеннолетними и 17 — мужчинами. Исследования неправительственных организаций, управляющих горячими линиями по вопросам насилия в семье, и онлайн-опросы показали, что только 10 % женщин, столкнувшихся с насилием, обратились в полицию, а из тех, кто это сделал, 97 % были недовольны поддержкой, которую они там получили. Подавляющее большинство женщин (75 %), подвергшихся насилию, заявили, что насилие длилось от 1 до 10 лет, в 7 % случаев оно длилось дольше 10 лет. В большинстве случаев насилие исходило от мужа или партнера звонившей (77 %) или бывшего мужа (14 %). Отсутствие средств правовой защиты для жертв бытового насилия в России носило систематический характер: со времени вынесения Судом решения по делу *Volodina* не было создано никаких юридических или иных средств правовой защиты для жертв бытового насилия, хотя по всей стране состоялось широкое обсуждение нового предложения о законодательстве о насилии в семье. Несмотря на недостатки предлагаемого законодательства и его неспособность обеспечить всестороннюю защиту жертв бытового насилия, перспектива его принятия встретила колоссальное сопротивление во многих секторах. Кампания, развернутая против законопроекта, продемонстрировала глубоко укоренившиеся гендерные стереотипы, пропагандируемые многими членами правящей партии, организациями, связанными с Русской православной церковью и истеблишментом. В целом российские власти своим длитель-

ным бездействием и регрессивной риторикой государственных чиновников на самом высоком уровне создали атмосферу, благоприятствующую насилию в семье, которое является дискриминационным по отношению к женщинам. Заявители указали на стереотипное отношение, которое сотрудники полиции, прокуроры, свидетели и судьи проявляли в своих индивидуальных делах, отказываясь признавать ситуации бытового насилия угрожающими жизни и благополучию женщин.

126. Правительство заявило, что масштабы проблемы бытового насилия и тяжесть его дискриминационного воздействия на женщин в России были «несколько преувеличены». Согласно статистике Министерства внутренних дел, в 2018 году 33 235 человек подверглись нападению со стороны членов семьи, что составляет всего 10,3 % от всех жертв насильственных преступлений. В этой группе насчитывалось 23 513 женщин, но только 55 % из них подверглись насилию со стороны своих мужей. Это наводит на мысль о том, что насилие со стороны незнакомых людей было гораздо более острой проблемой. Общая демографическая статистика показывает, что большинство жертв насильственных преступлений составляют мужчины. При рассмотрении жалоб на дискриминацию Суд должен учитывать элемент преднамеренности в применении дискриминационного обращения. Этот элемент отсутствовал в данном случае. Заявительницы не утверждали, что какие-либо государственные должностные лица пытались отговорить их от привлечения виновных к ответственности или препятствовали их попыткам получить защиту от предполагаемого насилия. Даже если предположить, что большинство жертв составляли женщины (хотя заявители не представили никаких доказательств этого), жертвы домашнего насилия мужского пола с большей вероятностью подвергались дискриминации, поскольку они составляли меньшинство и не должны были искать защиты от жестокого обращения со стороны членов семьи, особенно лиц противоположного пола. Российские власти предприняли достаточные усилия для решения проблемы бытового насилия и борьбы со всеми формами дискриминации в других сферах. Государственная концепция семейной политики и Национальная стратегия действий в интересах женщин были направлены на совершенствование существующих средств правовой защиты и достижение реального гендерного равенства в России. В рамках стратегии в сотрудничестве с государственными органами и неправительственными организациями в большинстве регионов России были открыты кризисные центры для жертв насилия в семье. Некоторые сотрудники полиции прошли подготовку по работе с сообщениями о насилии в семье, применяя знания в области права и психологии.

## *2. Оценка Суда*

127. Суд напоминает, что общая политика или фактическая ситуация, которая оказывает непропорционально пагубное воздействие на конкретную группу, может представлять собой дискриминацию в отношении этой группы по смыслу Статьи 14 Конвенции, даже если она конкретно не направлена против этой группы и где не было установлено дискриминаци-

онного намерения. Насилие в отношении женщин, включая насилие в семье, является одной из форм дискриминации в отношении женщин по признаку их пола. Неспособность государства защитить женщин от насилия в семье нарушает их право на равную защиту закона, независимо от того, является ли такая неспособность преднамеренной или нет (см. *Opuz*, § 185–191, и *Volodina*, § 109–110, оба упомянуты выше).

128. В деле *Volodina* на основании доказательств, представленных заявителем, и информации из независимых внутренних и международных источников, Суд нашел четкие указания на то, что насилие в семье непропорционально сильно затрагивает женщин в России. Женщины составляют подавляющее большинство жертв бытовых преступлений в полицейской статистике, о насилии в отношении женщин в значительной степени не сообщается и не регистрируется, и у женщин гораздо меньше шансов добиться судебного преследования и осуждения своих насильников из-за внутренней классификации таких преступлений (там же, § 119–124). Данные, предоставленные заявителями за период до конца 2018 года, показывают, что эта тенденция не ослабевает. Даже по данным правительства, число женщин, ставших жертвами насильственных нападений, происходящих в семье, ошеломляет; более 13000 женщин сообщили о жестоком обращении со стороны своих мужей, в то время как число тех, кто подвергся насилию со стороны партнеров, не состоящих в браке, или подвергся насилию или другим формам жестокого обращения, не сообщив об этом, остается неизвестным.

129. Суд далее постановил, что продолжающееся непринятие законодательства по борьбе с бытовым насилием и отсутствие каких-либо охранных приказов в какой-либо форме ясно свидетельствуют о том, что российские власти неохотно признавали серьезность и масштабы проблемы бытового насилия в России и его дискриминационное воздействие на женщин. Терпя в течение многих лет климат, благоприятствовавший насилию в семье, российские власти не смогли создать условий для реального гендерного равенства, которые позволили бы женщинам жить без страха жестокого обращения или посягательств на их физическую и психологическую неприкосновенность и пользоваться равной защитой закона (там же, § 132). Те выводы, которые касались общего положения женщин, преобладавшего в России в то время, также применимы к обстоятельствам настоящего дела. Поскольку было доказано существование структурной предвзятости, заявителям не нужно было доказывать, что они также были жертвами индивидуальных предубеждений (там же, § 114).

130. Соответственно, имело место нарушение Статьи 14 Конвенции, взятой в сочетании со Статьей 3.

#### IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

131. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее законодательство соответствующей Высокой Договариваю-

щейся Стороны допускает лишь частичное возмещение ущерба, Суд, при необходимости, предоставит справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

#### **А. Материальный ущерб**

132. Грачева потребовала следующие суммы в отношении материального ущерба, связанного с ее инвалидностью: 30660 евро – на физическое лечение и реабилитацию ее левой руки, которые не покрывались государственной медицинской страховкой; 692112 евро – на покупку, обслуживание и ремонт протеза правой руки немецкого производства с внешним приводом, подлежащего замене каждые три года в течение всей жизни, и 189747 евро – за потерю заработка, основанного на ее предыдущем доходе в рекламном отделе местной газеты. Она сослалась на решение Суда о возмещении материального ущерба заявителю с постоянной нетрудоспособностью по делу *Mikheyev v. Russia* (no. 77617/01, § 155–162, 26 January 2006).

133. Правительство утверждало, что настоящее дело следует отличать от дела *Mikheyev*, в котором инвалидность заявителя была результатом жестокого обращения со стороны государственных служащих, а не частных лиц. По их мнению, соответствующим прецедентом было дело *Eduard Popa v. the Republic of Moldova*, в котором Суд не нашел причинно-следственной связи между процессуальными нарушениями Статей 2 и 3 Конвенции и требованием заявителя о потере дохода и покупке протезов (no. 17008/07, § 58–60, 12 February 2013). Аналогичным образом не было прямой причинно-следственной связи между предполагаемыми нарушениями и требованием о возмещении материального ущерба в деле Грачевой. В качестве альтернативы ее убытки должны были оцениваться в свете ее права на различные пособия по инвалидности и права на бесплатное медицинское обслуживание и покупку одного протеза верхней конечности в год.

134. Суд отмечает, что дело *Eduard Popa* не касалось обязательства предотвращать риск жестокого обращения; нарушение Статьи 3 было установлено в связи с неспособностью властей провести эффективное расследование жестокого обращения с заявителем. Ситуация, сопоставимая с ситуацией с Грачевой, возникла в другом российском деле, в котором нарушение Статьи 3 явилось результатом непринятия властями необходимых мер для предотвращения причинения вреда жизни и здоровью заявителя. Полиция оставила заявителя с травмой головы, лежащим без сознания на улице после нападения частных лиц, не оказав ему никакой помощи, что привело к его постоянной инвалидности. Суд присудил компенсацию за потерю дохода и будущие медицинские расходы (см. *Denis Vasilyev v. Russia*, no. 32704/04, § 105–122 and 169, 17 December 2009).

135. Суд далее повторяет, что в отношении позитивных обязательств по Статье 3 достаточно установить, что власти не предприняли всех мер, которые можно было разумно ожидать от них, для предотвращения риска причинения вреда, о котором они знали или должны были знать. Заявитель не обязан доказывать, что «если бы не» ~~бездействие или~~ бездействие госу-

дарственных органов, жестокого обращения не произошло бы (см. *Premi-niny v. Russia*, по. 44973/04, § 84, 10 February 2011). Другими словами, для установления причинно-следственной связи между отсутствием мер защиты и ущербом, причиненным Грачевой, достаточно установить, как это сделал Суд выше, что национальные власти не приняли мер для защиты ее от известного риска насилия. Ей также не нужно было доказывать, что ей не причинили бы вреда, если бы были приняты соответствующие меры защиты.

136. Суд удовлетворен тем, что требование в отношении ранее понесенных расходов на реабилитацию было надлежащим образом обосновано, и присуждает Грачевой сумму, заявленную в соответствии с этим разделом. Однако претензии в отношении потери будущих доходов и будущих медицинских расходов не основывались на актуарных расчетах капитала, необходимого для поддержания определенного уровня доходов и финансирования будущих расходов. Требуемые суммы были получены путем умножения расходов на протезирование и прошлую заработную плату на среднюю ожидаемую продолжительность жизни. Этот метод расчета не соответствует подходу Суда к расчету будущих убытков (см. *Mikheyev*, упомянуто выше, § 161, и *Denis Vasilyev*, упомянуто выше, § 168). Следовательно, ему придется рассматривать иск на справедливой основе, основываясь на собственной оценке ситуации (см. *Nikolova and Velichkova v. Bulgaria*, по. 7888/03, § 82, 20 December 2007, и *Denis Vasilyev*, упомянуто выше, § 169).

137. Принимая во внимание возраст Грачевой и тот факт, что она является основным опекуном ее несовершеннолетних детей, характер ее инвалидности, которая ограничивает возможности доступной занятости, и ее пожизненную зависимость от дорогостоящих адаптивных вспомогательных средств, Суд присуждает ей 300000 евро за потерю заработка и будущие медицинские расходы, в общей сложности 330660 евро в качестве компенсации материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут взиматься.

## **В. Моральный ущерб**

138. Заявительницы просили Суд определить надлежащий размер компенсации в связи с моральным ущербом.

139. Правительство не прокомментировало эту часть претензий.

140. Суд присуждает по 20000 евро Туниковой, Гершман и Петраковой и 40000 евро Грачевой в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут взиматься с этих сумм.

## **С. Расходы и издержки**

141. Заявительницы требовали следующие суммы в отношении судебных издержек в рамках внутреннего судопроизводства и рассмотрения дела в Суде: Туникова – 20500 евро, Гершман – 22084,91 евро, Петракова и



Грачева по 6600 евро каждая. Они представили копии договоров на юридические услуги.

142. Правительство утверждало, что копии договоров не свидетельствуют о том, что расходы были фактически понесены и разумны в отношении их размера. Туникова представила только доказательства оплаты 110000 российских рублей в рамках внутреннего разбирательства; Гершман не показала, что ей действительно требовались услуги трех юридических групп для ее представительства, а Петракова и Грачева не представили никаких квитанций или платежных поручений.

143. Учитывая имеющиеся в его распоряжении документы, Суд считает разумным присудить заявительницам по 5000 евро каждой в связи с издержками и расходами плюс любые налоги, которые могут взиматься с этих сумм.

#### **D. Процентная ставка при просрочке платежей**

144. Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

#### **V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ**

145. Соответствующие части статьи 46 Конвенции гласят:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное решение Суда передается Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением...»

146. Суд напоминает, что решение, в котором он признает нарушение Конвенции, налагает на государство-ответчика юридическое обязательство не только выплатить заинтересованным лицам суммы, присужденные в порядке справедливой компенсации, но и выбрать под контролем Комитета Министров общие меры, которые должны быть приняты в его внутреннем законодательстве, чтобы положить конец нарушению, установленному Судом, и, насколько это возможно, устранить его последствия. Чтобы помочь государству-ответчику выполнить это обязательство, Суд может указать тип общих мер, которые могут быть приняты для того, чтобы положить конец ситуации, которую он обнаружил (см. *Tomov and Others v. Russia*, nos. 18255/10 and 5 others, § 173, 9 April 2019).

147. Правительство утверждало, что ни индивидуальные обстоятельства заявителей, ни текущее состояние российского законодательства в сфере насилия в семье не указывают на наличие основной системной проблемы или структурного недостатка, требующего указания общих мер в соответствии со Статьей 46 Конвенции.

148. Заявительницы ответили, что предполагаемые нарушения Конвенции не являются особенностью их индивидуальных дел, а представляют собой структурную и системную дисфункцию правовой системы государ-

ства в случаях бытового насилия. Отношение правоохранительных, следственных и прокурорских органов в России характеризовалось недостаточным пониманием и незнанием динамики насилия в семье, его систематического характера, различных форм физического или психологического насилия, присущих ему рисков и последствий. Существующей правовой базы было недостаточно для решения этой сложной проблемы, и предлагаемое законодательство также не соответствовало международным стандартам. В нем не было дано достаточно полного определения бытового насилия, чтобы включить в его сферу действия лиц, не состоящих в кровном родстве или зарегистрированном браке, и предусмотреть охранные приказы, ограничивающие физическую близость правонарушителя к жертве и сопровождающиеся сдерживающими санкциями за их нарушение. Законопроект также не предусматривал учебных программ для сотрудников полиции, прокуроров и других важнейших субъектов, которым будет поручено осуществлять законодательство.

149. Суд повторяет, что системная или структурная проблема возникает не только из-за отдельного инцидента или определенного поворота событий в отдельных случаях, но и из-за несовершенного законодательства, когда действия и бездействие, основанные на этом, привели или могут привести к повторным обращениям в Суд (см. *Novruk and Others v. Russia*, nos. 31039/11 and 4 others, § 131, 15 March 2016). Проблема, лежащая в основе нарушений Конвенции, которые Суд установил в настоящем деле, проистекает из самого законодательства, и выводы выходят за рамки исключительно интересов заявителей в данном случае. Не имея возможности обеспечить защиту от насилия в семье и эффективное расследование инцидентов с применением насилия на национальном уровне, заявительницы были вынуждены обратиться за помощью в суд.

150. Спустя несколько лет после событий по этому делу и более двух лет после решения *Volodina*, в котором Суд впервые выявил структурные дефекты российского законодательства, ситуация не изменилась. Законодательство о насилии в семье не было принято или передано на рассмотрение парламента. Общественное обсуждение законопроекта о предотвращении насилия в семье не сопровождалось конкретными действиями (см. пункты 63–64 и 67). Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы концептуализирует насилие в отношении женщин как «признак социального неблагополучия и характеризует его как проблему, связанную со злоупотреблением психоактивными веществами», без определения термина «насилие в семье» или формулирования политических целей (см. раздел 4.1 Исследования Национальной стратегии действий в пункте 66). Жертвам бытового насилия не было предоставлено никаких мер защиты в какой-либо форме, что заставляло их обращаться в Суд за указанием временных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Пандемия COVID-19 еще больше усугубила ситуацию и привела к значительному увеличению числа жалоб на насилие в семье (см. пункт 65).

151. Ввиду продолжающегося отсутствия законодательства, регулирующего проблему насилия в семье на национальном уровне, и срочности вопроса, касающегося, как это имеет место, возможности жертв вести

жизнь, свободную от насилия, Суд считает, что обязательства правительства в соответствии с Конвенцией вынуждают его вносить законодательные и другие изменения без дальнейших задержек. Необходимость в таких поправках тем более актуальна, что у большого числа людей, пострадавших от нарушений основополагающего конвенционного права, нет другого выбора, кроме как искать помощи в рамках длительных международных судебных разбирательств. Эта ситуация противоречит принципу субсидиарности, который занимает видное место в системе Конвенции (см. *Ananyev and Others v. Russia*, nos. 42525/07 и 60800/08, § 211, 10 January 2012). Для того чтобы государство-ответчик выполнило свои обязательства по Конвенции, необходимы четкие и конкретные изменения во внутренней правовой системе, которые позволили бы всем лицам, находящимся в положении заявителей, получить адекватную и достаточную компенсацию за такие нарушения на национальном уровне.

152. Суд признает, что насилие в семье является сложным явлением, затрагивающим все социальные слои и проявляющимся в различных формах, интенсивности и динамике, часто невидимым для посторонних и скрытым от властей. Для выполнения своих обязательств по Конвенции национальные власти должны соответствующим образом разработать комплексные и целенаправленные ответные меры, охватывающие все области государственной деятельности, включая законодательство, государственную политику, программы и институциональные рамки и механизмы мониторинга.

153. Выше Суд установил, что неспособность властей рассмотреть сообщения о насилии в семье проистекает из пробелов в материальном и процессуальном праве. Чтобы устранить эти недостатки, власти должны оперативно пересмотреть или внести поправки в законодательство, чтобы привести его в соответствие с Конвенцией и международными стандартами по предотвращению насилия в семье и наказанию за него. Они должны ввести юридическое определение насилия в семье, которое было бы достаточно всеобъемлющим по своему охвату, чтобы охватывать акты насилия в различных формах, включая физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие, проявления контролирующего и принудительного поведения, преследование и преследование, независимо от того, происходят ли они физически или в киберпространстве. Акты бытового насилия никогда не следует рассматривать изолированно, а скорее как единую линию поведения или серию взаимосвязанных инцидентов (см. пункт 94). Определение насилия в семье должно быть частью всеобъемлющей основы для защиты и оказания помощи всем жертвам, в которой, в частности, должны быть распределены обязанности государственных учреждений и государственных должностных лиц, которым поручено реагировать на насилие в семье и предотвращать его, создать межведомственный механизм сотрудничества между государственными учреждениями и другими заинтересованными сторонами в целях предотвращения насилия в семье, создать правовые механизмы для защиты и компенсации жертвам и финансировать программы реабилитации для лиц, совершивших насилие в семье.

154. Внутреннее материальное законодательство должно криминализовать и предусматривать соответствующие наказания за все акты насилия в семье, включая побои и другие формы, помимо телесных повреждений (см. пункт 86). Защита от бытового насилия должна охватывать всех нынешних и бывших членов семьи или домашнего круга, а также нынешних и бывших супругов и партнеров, независимо от того, живут ли они под одной крышей или раздельно. Насилие в семье затрагивает супружеские пары в той же степени, что и людей, которые не оформили свои отношения, таких как Туникова в данном деле или Володина в деле *Volodina*. Оно не заканчивается расторжением брака (см. пункт 32, где разбирательство было прекращено по той единственной причине, что Гершман больше не была юридически связана с преступником после развода). Суд отмечает в связи с этим мнение Комитета CEDAW о том, что «до тех пор, пока насилие в отношении бывшего супруга или партнера связано с тем, что это лицо ранее состояло в отношениях с преступником, время, прошедшее с момента прекращения отношений, не имеет значения, равно как и то, проживают ли соответствующие лица вместе» (см. *O.G. v. the Russian Federation*, Communication No. 91/2015, § 7.4, 6 November 2017).

155. Национальное процессуальное законодательство должно позволять властям самостоятельно расследовать случаи бытового насилия в интересах общества и наказывать виновных в таких действиях (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 99). Возложение бремени сбора изобличающих доказательств и отстаивания обвинений в суде на жертву несовместимо с обязательством государства расследовать все случаи жестокого обращения в соответствии со Статьей 3 Конвенции (см. пункт 117). Жалобы жертвы, заявления медицинского работника о травмах или сообщений третьих лиц о предполагаемом насилии в семье должно быть достаточно для начала расследования, которое должно проводиться властями тщательно и с учетом гендерных аспектов, чтобы избежать повторного травмирования жертв, требуя от них повторения своих показаний или очной ставки с преступником. Сотрудникам полиции должны быть предоставлены протоколы и инструкции с изложением конкретных шагов по расследованию жалоб на бытовое насилие. Все утверждения о бытовом насилии должны расследоваться оперативно, тщательно и беспристрастно, при этом по всем случаям бытового насилия должны быть возбуждены уголовные дела, а виновные должны своевременно и оперативно предстать перед судом. Если жертва отзывает жалобу, если такая возможность сохраняется в национальном законодательстве, законодательство должно требовать, чтобы власти рассмотрели, каковы были причины отзыва жалобы и потребует ли серьезность нападений от них продолжения разбирательства (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 84).

156. Протокол рассмотрения жалоб на насилие в семье, который должен быть принят, должен охватывать все аспекты позитивного обязательства государства по защите жертв от риска повторного насилия (см. пункт 104). Должно быть требование о том, чтобы такие жалобы рассматривались «немедленно», с особой тщательностью, необходимой в случаях бытового насилия, и чтобы оценка рисков была «автономной», «упреждающей» и

«всеобъемлющей». Для выполнения этого обязательства следует рассмотреть возможность использования стандартизированных инструментов оценки рисков и контрольных списков, а также документирования процесса оценки рисков и информации обо всех соответствующих факторах риска и элементах дела, полученных от жертвы и других государственных учреждений. Жертва должна быть проинформирована о результатах оценки риска и должна получить рекомендации и рекомендации относительно доступных защитных мер.

157. Что касается адекватных и эффективных мер защиты жертв бытового насилия, Суд считает особенно важным, чтобы такие меры были приняты без дальнейших задержек. Внутреннее законодательство должно быть изменено, чтобы предусмотреть легкодоступные внесудебные и судебные меры защиты, известные в других юрисдикциях как «запретительные приказы», «охранные приказы» или «приказы о безопасности», которые направлены на предотвращение повторения насилия в семье и защиту жертвы такого насилия, обычно требуя, чтобы преступник покинул совместное проживание и воздерживался от приближения или контакта с жертвой (см. *Volodina*, упомянуто выше, § 88, примеры таких мер в отдельных европейских юрисдикциях). Хотя могут быть предусмотрены различные законодательные решения, для обеспечения эффективной защиты жертвы Суд считает, что меры защиты должны обладать ключевыми характеристиками, определенными Комитетом CEDAW и Специальным докладчиком ООН по вопросу о насилии в отношении женщин (там же, § 56 и 58). В частности, охранные приказы должны выдаваться независимо от любых других судебных разбирательств, таких как уголовное дело против преступника, и основываться на стандарте доказывания в отношении показаний жертвы, которые не являются уголовным стандартом доказывания. Они должны требовать, чтобы преступник постоянно сохранял определенную дистанцию от жертвы, и запрещать преступнику пытаться связаться с жертвой любым способом, будь то офлайн или онлайн. Соблюдение условий охранного приказа должно строго и постоянно контролироваться властями, а несоблюдение должно быть криминализовано и сопровождаться достаточными сдерживающими и сдерживающими санкциями.

158. Наконец, в целях решения проблемы неравенства и фактической дискриминации в отношении женщин, которые Суд признал нарушающими Статью 14 Конвенции в сочетании со статьей 3, национальным властям следует разработать план действий по изменению общественного восприятия гендерного насилия в отношении женщин (см. Статью 2 Конвенции CEDAW и Общую рекомендацию Комитета CEDAW №35 о гендерном насилии в отношении женщин, упомянутом в деле *Volodina*, упомянуто выше, §§ 51 и 55) и распространять информацию о доступных правовых и других средствах правовой защиты для жертв. Для судей, сотрудников полиции, прокуроров, медицинских работников, социальных работников и других должностных лиц, которые могут вступать в контакт с жертвами, должна быть предусмотрена обязательная подготовка по динамике насилия в семье. Властям также следует разработать механизм мониторинга для точного сбора всеобъемлющих статистических данных о предотвращении

насилия в семье и наказании за него и регистрации статистических данных о насилии в семье в разбивке по полу и возрасту и характеру отношений между преступником и жертвой или жертвами, включая жалобы на насилие в семье, которые не привели к возбуждению административного или уголовного дела (см. Заключительные замечания Комитета CEDAW по восьмому периодическому докладу Российской Федерации, цитируемому в деле *Volodina*, упомянуто выше, § 64, и Раздел 4.4 Исследования Национальной стратегии действий в интересах женщин в пункте 6б).

159. До принятия государством-ответчиком вышеуказанных мер в соответствии со Статьей 46 Конвенции Суд продолжит рассматривать аналогичные дела в упрощенной и ускоренной форме в соответствии со своей устоявшейся судебной практикой.

### ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Принимает решение* объединить жалобы;
2. *Объявляет* жалобы приемлемыми;
3. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах;
4. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со Статьей 13 Конвенции;
5. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 14 Конвенции в сочетании со Статьей 3;
6. *Постановил*
  - (а) что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев с даты вступления судебного решения в силу в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции следующие суммы, подлежащие конвертации в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета:
    - I. EUR 330,660 (триста тридцать тысяч шестьсот шестьдесят евро) Грачевой плюс любой налог, который может взиматься с этой суммы, в качестве компенсации материального ущерба;
    - II. По EUR 20,000 (двадцать тысяч евро) Туниковой, Гершман и Петраковой каждой и EUR 40,000 (сорок тысяч евро) Грачевой плюс любой налог, который может взиматься с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;
    - III. По EUR 5,000 (пять тысяч евро) каждой заявительнице плюс любой налог, который может взиматься с них, в отношении расходов и издержек;
  - (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до погашения на вышеуказанные суммы будут выплачиваться простые проценты по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского цен-

ТУНИКОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ.  
Неофициальный перевод постановления

трального банка в течение периода неисполнения обязательств плюс три процентных пункта;

7. *Отклоняет* оставшуюся часть требования заявителей о справедливой компенсации;
8. *Постановил*, что государство-ответчик должно без дальнейших промедлений внести поправки во внутреннюю нормативно-правовую базу, чтобы привести ее в соответствие с указаниями Суда в пунктах 151–158 настоящего решения.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 14 декабря 2021 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Milan Blaško  
Registrar

Georges Ravarani  
President

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Перечень заявлений

№.	Номер жалобы	Название дела	Подано	Заявительница Год рождения Место рождения
1.	55974/16	Туникова против России	12/09/2016	<b>Наталья Юрьевна ТУНИКОВА</b> 1972 Москва
2.	53118/17	Гершман против России	17/07/2017	<b>Елена Владимировна ГЕРШМАН</b> 1978 Москва
3.	27484/18	Петракова против России	31/05/2018	<b>Ирина Александровна ПЕТРАКОВА</b> 1980 Москва
4.	28011/19	Грачева против России	22/05/2019	<b>Маргарита Андреевна ГРАЧЕВА</b> 1992 Серпухов